

Замещающий
текст

Виктор Попов

Замещающий
текст

Мельница Времени

книга третья

12+

Виктор Попов
Мельница времени

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Попов В. Н.

Мельница времени / В. Н. Попов — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Вы когда-нибудь были избранниками светлых сил? Нет? Вот и Кате ни разу не доводилось. Но всякое может случиться, когда из типовой многоэтажки попадаешь в старинный дом, где живет бабушка. Именно в его древних стенах она случайно узнает тревожную весть, которая заставляет девочку отправиться в далекое прошлое. В полное опасностей путешествие, где ее на каждом шагу подстерегают козни разномастной нечисти. Потому что силы тьмы решили остановить время: перекрыть исток, из которого оно вытекает, подобно реке. Тогда в воцарившемся хаосе они смогут поработить мир людей. Хватит ли обычной школьнице сил и мужества, чтобы предотвратить беду?

Содержание

Глава I	8
Глава II	18
Глава III	29
Глава IV	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

В оформлении обложки использовалась фотография с <https://pixabay.com> по лицензии ССО.

- Радость! Радость! Радость! – рассыпались частой дробью бубенцы.
- Счастье! Счастье! Счастье! – вторили им молодцеватые берестяные рожки.
- Благо! Благо! Благо! – мощно выдували позолоченные трубы.

Эти звуки смешивались, воплощались в гармонию и возносились торжественной волной к прозрачному небесному куполу. Мощно ударив в него, они отражались и стекали по его хрустальной сфере, донося весть до самых удаленных уголков, таящихся на Краях Земли. Поскольку не должно было остаться ни единой живой души, которая бы не познала ее. А потом не сетовала, что ее обошли стороной и тем самым незаслуженно обидели.

Со всех концов Белого света слетались стаи птиц и облака насекомых, сбегались звери и стада животных, приплывали косяки рыб. Все приносили щедрые дары и складывали их горами у ног, обутых в сафьяновые сапоги с изумительной отделкой. Они, с алмазными подковками звездной россыпи на каблуках, были тонко изукрашены золотыми нитями из солнечных лучей и серебряными строчками из лунного сияния.

У Всевышнего родился долгожданный первенец!

Род, как на троне, восседал среди упругих ветвей Мирового Дерева, милостиво кивал текущему перед ним потоку гостей, всем вместе и каждому в отдельности, и не сводил глаз с лучезарного младенца. Тот покоился в нежных объятиях супруги, светящейся от счастья Матери Сыра-Земля. Чуть позади них полукругом стояли обитавшие тут же в Вырии божества всей живности, Старые.

Когда последняя из нескончаемой череды посетителей пчелка одарила солнечное дитя янтарной капелькой ароматного меда и отлетела, самая уважаемая из всех Старых, птица Рарог, стоявшая за правым плечом Рода, склонила голову и, обратившись к нему, почтительно спросила:

- Не пожелаешь ли по такому случаю всеобщее празднество объявить?

Всевышний вопросительно взглянул на жену. Та зарделась от удовольствия и благодарно улыбнулась супругу. Тогда он чуть повернул голову назад и промолвил:

- Что ж, пожалуй. Не всякий же день первенцы нарождаются. Оглашай!
- На сколько дней гулянья прикажешь устроить? – последовал вопрос. – На месяц, на неделю?

Род ненадолго задумался, а потом изрек:

– Тридцать дней слишком уж много будет. Семь – мало. Оглашай священное число, указующее прямой путь к Праву, тринадцать!

Рарог горделиво расправила крылья, тряхнула перьями и придала им торжественную пышность. В этот миг стало видно, как от прилива воздуха внутренние их части коротко возгорелись, словно набравшие силу уголья. Потом она приосанилась, более став похожей на гору, и распахнула огромный загнутый клюв.

Подобно грому, рожденному столкновением всех плавающих над Землей грозовых туч, из поднебесья пророкотало:

– Слу-ушать все-ем! Праздник! Праздник! Праздник! С яствами и гуляньями, играми и потехами, песнями и плясками! В честь святого события длительностью священного числа – праздничные святочные дни! Из года в год!

Раскаты голоса мощно ринулись вниз и широко потекли в стороны. По полям, лугам, руслам рек и колеям дорог. Везде и всюду. Они проникали в каждую берлогу, норку, гнездо и дупло. Стучали в калитки, ворота, оконные переплеты и двери.

Над трубами то тут, то там стали подниматься многочисленные дымки – в избах и термах пошла подготовка к празднику. В пышущих щедрым жаром печах зарумянились баранки,

коровки и козульки. От этого изобилия вверх заструились умопомрачительные ароматы. Рарог с блаженным видом втянула их, сглотнула набежавшую слюну и сказала:

– Хорошо готовятся, искренне.

Вдруг она брезгливо сморщилась и настороженно завертела головой. Сначала все присутствующие вопросительно воззрились на нее. Но через короткое время тоже начали озираться по сторонам. Аппетитные тона выпечки постепенно заглушились чем-то непотребным и отвратительным. Запахло сероводородом и какой-то тошнотворной тухлятиной.

У самых корней Древа принялась расти куча земли, будто наружу рвался гигантский крот. Когда она достигла размеров приличного холма, по внешним ее склонам покатались комья и отверзли в центре широкий вертикальный проход. Еще миг, и из него вылезла гнусная образина.

Ее безбровый лик был мертвенно бледен и покрыт слизью, как тело червя, что создавало абсолютно отталкивающее впечатление. Тяжелые без ресниц веки нависали над запавшими внутрь белесыми, как у вареной рыбы, глазами. Острый раздвоенный подбородок заканчивался жиденькой козлиной бороденкой. Однако бугристый череп, кое-где покрытый пучками редких бесцветных волосенок, венчал массивный обруч из крупных драгоценных камней. Да и одежда была ему под стать: скроенная из чистого золота и богато украшенная самоцветами.

– Озем?! – с негодованием выдохнул Род. – Ты по какому праву здесь?! Иль память отшибло, что удел твой – подземелья, где вечно тебе и пребывать должно?!

Тот противно захихикал, потер костлявые пальцы с длинными загнутыми ногтями и, кривляясь, ответил:

– Так ведь только что воля твоя была объявлена. Всем без исключения в празднествах участвовать. Эта птичка голосистая так громко вопила, что приглашение и до нашего мира дошло. Не смог удержаться, чтобы лично не явиться. От всех нас за щедрость тебя поблагодарить.

И он отвесил шутовской поклон.

Род сдвинул брови и произнес:

– Расслышал-таки! Всегда твоему слуху дивился, твоей способности улавливать то, что тебе не предназначено.

– На том и стоим, – скривился в ухмылке Озем. – Подслушать, подсмотреть да себе на пользу обернуть. От тебя-то благ не дождешься!

В горле Рарог раздалось возмущенное клокотание, а перья на нем вздыбились и полыхнули яростным пламенем. Она грозно защелкала хищным клювом, намереваясь покарать нечестивца и вогнать его назад в бездонный провал.

Озем предостерегающе вскинул руку и, обратившись к Роду, сказал:

– Угомони ее! Неужто ты отступишься от своего решения? Никаких оговорок не прозвучало. Все, так все. Представляешь, как стыдно из века в век будет слышать твоему сыну, что его великий отец однажды нарушил слово?

Род нахмурился, в его глазах начал загораться гнев. Стараясь сдерживаться, он произнес:

– Ты, Озем, как никто другой, знаешь мое величие, мою мощь. Стоит мне только захотеть, и меньше чем через миг никто и не вспомнит о предыдущем объявлении. А потом будет озвучено новое, с оговорками. Вот тогда Рарог за допущенную дерзость и вгонит тебя на дно твоего подземного царства. Ну, как тебе такое решение?

Озем невольно съежился, сгорбился и втянул голову в плечи. Род победно хмыкнул и обернулся к жене. При этом его взгляд снова задержался на лучезарном младенце. Суровые складки между бровей моментально разгладились, а внешние края глаз пошли сеточкой ласкового и горделивого прищура. Он благодушно откинулся на зеленеющую свежестью спинку своего трона и заключил:

– Ладно, решение менять не буду. Пусть все миры чтут первенца. Допускаю вас к гуляньям. Но помните, зла не чинить, не пакостить. С наступлением срока – безоговорочно обратно. Иначе ...

– Что ты, что ты! Ни-ни! – с явным облегчением замахал руками Озем и с гулким хохотом канул в бездну обрадовать нечисть, что с завтрашнего дня из года в год ей разрешается по сроку пребывать на земле.

Случилось это в канун двадцать пятого числа зимнего месяца Студеня в незапамятные времена.

Глава I

Замерший прыжок, чарующее журчание и лик Числобога

Ах, какое же это все-таки замечательное время, зимние каникулы! С морозцем, с ярким солнцем, разливающим щедрое золото и серебро по бескрайним белым просторам! Пока еще не рассвело, дворники начинают вжикать широкими деревянными лопатами, тщательно разгребая пышный покров и торя многочисленные дорожки и тропки. Отваленного снега скапливается столько, что проходя вдоль улиц, невольно ощущаешь себя в бесконечном сказочном коридоре с высокими стенами по бокам. Особенно это чувствуется здесь, в усеянной невеликими домиками старой части города, которая издревле именуется Посадом. Скоро Новый год, главная радость этого замечательного периода заслуженного безделья. Накануне вечером папа привез елку и установил ее посередине большой комнаты бабушкиного дома, которую та по старинке называет «зала». От нее, отогревшейся после холодов, по всему дому растекался духмяный смолистый аромат.

Катя стояла в проеме широко распахнутых двустворчатых дверей и не сводила глаз с зеленой красавицы. Солнечные лучи оживленно толкались с другой стороны окон, точно пытались отыскать в морозных узорах стекол проталинки, чтобы беспрепятственно любоваться этим чудом. А заодно позвать девочку на улицу в бушующий пронзительным светом праздник полудня.

«Пожалуй, выходить пора, – подумала Катя. – Вечером посмотрю, когда наряжать станем».

Она надела куртку, подхватила сумку с коньками и, миновав двор, выбежала за ворота. Стоящая напротив церковь Николы-Зимнего-на-Посадях ослепительно белела стенами на фоне бездонной небесной синевы. Как праздничный торт, щедро обсыпанный сахарной пудрой и политый аппетитной глазурью. Взбегающие к маковкам ряды кокошников придавали ей удивительную воздушность, будто были пирожными безе. Пройдя вторую половину дома и припрыгающий к ней флигель, девочка свернула в Арбатку и двинулась в сторону «Пяти углов». Так местные жители нарекли небольшую площадь, от которой лучами расходились пять улиц. Раньше, в пору бабушкиной юности, она звалась «Молочная». Кате всякий раз почему-то представлялось, что из нее, напоминавшей по форме круглое озерцо, и впрямь вытекали молочные реки. Тогда же бытовало и другое название, неофициальное: Шевлягинская. Потому, что в центре располагалась трехметровая водоразборная колонка из чугуна, являвшаяся частью водопроводной системы, построенной на средства богатой купчихи Марии Николаевны Шевлягиной и подаренной ею городу.

Над площадью царили звуки музыки. Исполнялось нечто оптимистическое и как нельзя, кстати, подходящее моменту: «Увезу тебя я в тундру», «Три белых коня, три белых коня: декабрь и январь, и февраль», «У леса на опушке жила зима в избушке», – и много чего другого. Все это старательно выдували из себя смонтированные на стадионе динамики. Он располагался тут же, на другом краю площади и носил гордое, устремленное в будущее название «Старт».

Она подошла к кассе. Знакомая кассирша, узнав ее, приветливо улыбнулась и, приняв деньги, выложила на прилавок сдачу: несколько новеньких сверкающих монеток. Мысленно отметив про себя, что они такие же радостные, как и предстоящие каникулы, девочка сунула их в карман куртки и, держа наготове билет, поспешила к входу.

Быстро переобувшись, Катя вышла на лед и легко заскользила по сверкающей поверхности. Да, залили на славу: ни выбоин, ни трещин, ни наплывов! Гладенький такой, ровненький! По периметру желтым, красным, синим и зеленым цветом сияли электрические гирлянды. Они

были смонтированы из обычных электрических лампочек и покрашены вручную. От этого на их покатых боках проступали неаккуратные потеки. Но праздничное настроение они никак не портили. Потому что, как правило, и музыку, и освещение включали по вечерам, когда темнело. А тут – среди бела дня! Одно слово, каникулы!

Кругом было полно ребятни. Кто-то гонял в хоккей, кто-то носился в салочки, а иные просто чинно ездили по кругу. Раскатившись, Катя сделала дорожку шагов, которую закончила подскоком: прыжком в пол оборота. Получилось очень даже удачно! Можно было что-то и более сложное попробовать. Старательно зайдя с внешнего ребра, девочка оттолкнулась зубцом конька свободной ноги и, выполняя одинарный тулуп, выпрыгнула вверх.

Дыхание тут же перехватило, потому что она вдруг ... зависла в воздухе! На миг, но зависла! Краем глаза Катя успела заметить, что вся находившаяся на катке детвора в разных позах движения тоже замерла! Будто время спотыкнулось и на мгновение перестало идти!

Приземлившись, она сбалансировала руками, чтобы не упасть и поспешила отъехать к бортику. Оттуда было хорошо видно, как и остальные ребята изумленно хлопают глазами. Но недолго. Радость зимних забав взяла свое, и о странном происшествии все вскоре забыли. Забыла и Катя.

Вроде бы и каталась она недолго, и нагуляться не успела, и не замерзла даже, а вот ведь стало уже темнеть. Пора было возвращаться домой.

К ее приходу в зале все уже было готово к благоговейному процессу украшения елки. Войдя в комнату Катя, как была в спортивном костюме, сразу принялась за дело.

– Может, переоденешься сначала? – улыбнулась бабушка.

– Не, я потом, – весело отмахнулась девочка и стала расправлять, усеянный разноцветными лампочками, провод.

Пока она развешивала гирлянду, бабушка достала из шкафа коробку с игрушками и начала их разбирать. Они были небольшие в размерах и с прилично выцветшей краской. В раннем детстве девочка удивлялась, зачем вешать такие, когда можно купить новые, крупные и яркие. И лишь позже поняла, что это были игрушки бабушкиного детства, которые та трепетно хранила из года в год, тщательно укутывая каждую, чтобы не повредить. Наверное, они всякий раз напоминали ей о том замечательном периоде, когда она, маленькая девочка, с братьями и сестрами водила хороводы вокруг такой же зеленой красавицы, а сердце замирало в предвкушении долгожданных подарков.

Счастлив тот, кому удастся сохранить хоть какие-то частички детства! Машинку, кораблик, солдатиков, куклу. При взгляде на них вокруг тут же растекается золотисто-розовая дымка и погружает тебя туда, где комната всегда залита солнечным светом, где до края стола можно дотянуться, только встав на цыпочки, где постоянно царит бескрайняя забота тогда еще таких молодых и полных сил бесконечно любимых мамы и папы!

Каждый раз, когда вешали очередную игрушку, елка слегка покалывала пальцы своими упругими иголочками. Как нежными коготками шаловливый котенок, который радуется, что ему уделяют внимание. В довершение кое-где на пушистые лапы уложили кусочки ваты, будто это был снежный покров. Конечно, можно было купить современные аэрозоли, замечательно имитирующие снежную порошу. Но сделали, как встарь, как любила бабушка.

Наконец, все было закончено. Убрав коробки, коробочки, пакеты и пакетики, бабушка с внучкой выключили верхний свет, зажгли гирлянду и уселись на диван. Разноцветные пятна накладывались одно на другое, смешивались и причудливо дробились на всех поверхностях: на стенах, на потолке, на полу. Преломлялись в фасетных стеклах буфета, искрились в морозных узорах окон. В доме воцарилась зимняя сказка.

Посидев еще немного, бабушка предложила:

– Может, давай укладываться потихоньку? А то поздно уже.

Катя согласно кивнула. После дня, проведенного на свежем воздухе, в тепле комнаты она разомлела и буквально клевала носом.

– Бабуль, – едва шевеля языком, сказала девочка, – а можно я сегодня здесь спать буду? На диване. Тут с елочкой так уютно!

– Я завтра рано встану, по воду пойду, – покачала головой бабушка. – Не разбужу тебя ненароком?

– Нет, что ты! – воскликнула Катя. – Хоть из пушки пали, не разбудишь!

– Ну, что ж, оставайся, коли так, – согласилась бабушка. – Сейчас твою постель принесу и ложись.

Когда она вернулась, девочка, как была в спортивном костюме, уже безмятежно спала. Подложив ей под голову подушку и укрыв одеялом, бабушка удалилась в свою спальню, выходящую сюда же. Лишь только она скрылась за дверью, на елке возникло оживление. Игрушки завозились, зашевелились и уставились на висевший под вершинкой желтый пузатый будильник. Его нарисованные стрелки традиционно показывали без пяти двенадцать.

– Ну, ты чего там? – обиженно надув губки, спросила за всех картонная танцовщица в яркой пышной юбочке.

– Да не знаю, не получается, – расстроено ответил тот.

– Это что же, – танцовщица была готова расплакаться, – и Святки не будет, и Нового года? Раньше ты за ночь на минутку стрелку вперед передвигал, и мы знали, праздники приближаются. А сейчас-то что?

– Ума не приложу, – вздохнул будильник. – Бьюсь, бьюсь, а она не движется. Будто мешает кто.

– Ну, ладно, ладно, – начала успокаивать его куколка, – не переживай. Отдохни, с силами соберись. А мы подождем, потерпим.

Игрушки дружно закивали, от чего ветви качнулись, а потом замерли в терпеливом ожидании.

Ближе к утру в спальне едва слышно скрипнули половицы, одна створка дверей приоткрылась. Залу, стараясь не потревожить внучку, на цыпочках пересекла бабушка и вышла в кухню. Оттуда через неплотно прикрытые дверные полотна в комнату принялся втекать неяркий свет. Когда он коснулся сомкнутых век, ресницы девочки дрогнули. Все еще находясь в полудреме, она подумала:

«И не лень же бабушке каждый год ни свет, ни заря по первую воду ходить. Да до дома ее нести в полном молчании. Считает, что замешанный на такой воде праздничный пирог чудодейственной силой обладает».

Девочка была готова вновь провалиться в сон, как уловила, что по комнате поползли шепотки. Более того, они сопровождались каким-то странным постукиванием и позвякиванием. Она приоткрыла глаза и пришла в замешательство. Игрушки поскакали со своих мест и сгруппировались под самой макушкой так плотно, что та даже слегка накренилась.

– Давай тяни! Наваливайся сильнее! Аккуратнее, стрелку не сломай! Сзади колесико покрути! Да не в ту сторону! – раздавались приглушенные голоса.

Маленькая плюшевая лошадка в золотистых блестках накинула уздечку на часовую стрелку будильника и старательно потянула ее к цифре двенадцать. Рыжеволосый клоун с улыбающимся от уха до уха ртом попытался повернуть дутое стеклянное колесико на задней стенке. Остальные возбужденно жестикулировали и помогали советами. Сам будильник отчаянно пыхтел, сопел, пыжил и без того раздутые бока и тужился изо всех сил. Ничего не помогало.

Катя толком не успела осознать происходящее, как то, что предстало следом, заставило ее оторопеть. Причиной тому были стоявшие рядом с буфетом огромные напольные часы. Старинные, выпущенные к первой годовщине победы в Отечественной войне тысяча восемьсот

двенадцатого года. Их никогда не заводили, потому что они так шумно вздыхали и шелестели шестеренками, что находиться в комнате было совершенно невозможно. Не говоря уже о громком бое, от которого каждые четверть часа стены ходили ходуном. Так они и молчали годами. Хотя иногда, когда наступала полная тишина, Кате чудилось едва уловимое журчание, будто сквозь них что-то протекало.

Их массивный без прикрас темный деревянный короб вдруг зашелся крупной дрожью. Затем зашевелились тяжелые гири, которые начали попеременно подниматься вверх и опускаться вниз, как резвящиеся на качелях мальчишки. И, наконец, пришли в движение стрелки. Они двинулись и начали с каждым оборотом увеличивать скорость. Когда их мелькание слилось в единый поток, на простом, местами облупившемся циферблате стал проступать суровый лик. Он глянул из стороны в сторону, строго обозрев залу. И при этом как-то необычно изменился. При повороте вправо напомнил профилем растущую луну, влево – стареющую. А когда посмотрел прямо – солнечный диск. Хотя лицо было довольно хорошо различимо, его черты виделись не четко. Точно по ним что-то струилось или текло. То ли вода, то ли время. Наконец, лик изучающе воззрится на Катю. Та, чтобы сгладить неловкую паузу, слегка запнувшись, спросила:

– А ты ..., а вы кто?!

Густые брови на циферблате удивленно поползли вверх, надменный подбородок шевельнулся. Из щели, приоткрывшейся между бородой и горизонтально торчащими усами, точь-в-точь похожими на часовые стрелки, застывшие на без пятнадцати три, раскатисто прозвучало:

– Я?! Я – Числобог, Повелитель Времени!

– Ой! – радостно воскликнула девочка. – Вы явились, чтобы им помочь праздник приблизить?! Как здорово! А то у них самих никак не получается, – и кивнула в сторону игрушек.

Те продолжали находиться на том же месте, где замерли в почтении и даже в некотором страхе. Числобог оборотился в их направлении и снова явил ликом убывающую луну. Чуть нахмурившись, он едва слышно, будто про себя произнес:

– Та-ак, и тут попытки задержать время проявляться начали.

А потом добавил:

– Это мы враз исправим.

Появившаяся из короба рука слегка щелкнула пальцами, и гурьба тут же отозвалась восторженными возгласами. Будильник облегченно вздохнул и радостно засиял упругими боками. Клоун изловчился и выполнил потешный кувырок на самом краю ветки. Лошадка то счастливо гарцевала, то взбрыкивала задними ногами. А танцовщица исполняла грациозные па и посылая в сторону циферблата нежные воздушные поцелуи.

– Ладно, ладно, утомонитесь, – зазвучал потеплевший голос Числобога.

Игрушки, мелодично позвякивая, устремились к своим местам.

– Спасибо вам, – поблагодарила Катя. – А завтра у них стрелка сама передвинется или вы опять придете помогать?

– Я никуда уходить не собираюсь, здесь останусь, – последовал ответ.

– Зачем? – удивилась девочка. – Что делать Повелителю Времени в бесполезных часах, которые давным-давно не ходят?

– Не такие уж они и бесполезные, – промолвил Числобог. – Даже наоборот. Вот есть часы, которые и тикают бойко, и мелодии разные играют. У иных короб богатейшей инкрустацией украшен, циферблат золотом и серебром гравирован. Но они лишь ход Времени отображают, и оно от них никак не зависит. Сломаются, не беда. Другими заменят. А есть, через которые Время в Мир втекает. Вроде и циферблат у них невзрачный, и обычный деревянный короб жучками кое-где проеден. И не ходят. А Время выбирает именно их. Ему виднее, почему. Эти как раз одними из таких будут.

Катя ненадолго задумалась, а потом спросила:

– То есть, если их повредить, разломать или разрушить, то Время не сможет беспрепятственно идти? И что тогда будет?

– Ничего хорошего, – вздохнул Числобог. – Вместо того чтобы плавно течь, начнет метаться, другие часы подыскивать. Разлетится в разные стороны, затеряется в неведомых уголках. Пока не обретет новое пристанище, такая неразбериха будет твориться! Вот я и явился эти стеречь.

– А разве есть от кого? – с замиранием сердца прошептала девочка.

От одной мысли о том, что в бабушкин дом и в эту комнату собирается проникнуть кто-то злой и враждебный, по телу побежали противные мурашки. Словно уловив ее мысли Числобог сказал:

– Ты не переживай. Сюда пробраться не так просто. Тут и стены старинные духом своим защищают, и травы бабушкины заговоренные оберегают. Да и со мной нечисть в открытый бой вступить не осмелится.

– А чего это вдруг она вздумала? – настороженно спросила Катя.

– Не вдруг, – ответил собеседник. – Как выяснилось, тысячами годов этот коварный план вынашивала. Выжидала, чтобы момент улучшить и в Святочные праздники Время остановить. Тогда срок ее пребывания на земле не закончится, и она здесь останется. Чтобы вредничать, пакостить и дела свои темные вершить.

– Да, – обрадовалась девочка, – здорово, что вы явились! Теперь точно все будет хорошо!

– Опасение лишь одно есть, – покачал головой Числобог. – Когда нелюди поймут, что часы им не по зубам, могут броситься Исток искать. Хоть и времени у них в обрез, но от отчаяния, боюсь, будут пробовать его перекрыть.

Катя вопросительно распахнула глаза. Числобог пояснил:

– У всего на свете начало свое есть. У Времени тоже. Это место испокон века Истоком зовется.

– Так надо, не медля, туда отправиться и оберечь его от всяких козней! – предложила девочка.

– Мне это сделать никак невозможно, – сокрушенно сказал собеседник. – От часов ни на шаг не могу отойти. Остальные сейчас Совет держат, кого отрядить. Такое не всякому ниспослано, уметь душой течение Времени слышать. Это – самое обязательное. Потому что никто не знает, где Исток находится и как выглядит. Вот и надо, улавливая сердцем это журчание, по нему, как вдоль русла, до Истока добраться.

– А эти, каким образом смогут? – удивилась Катя.

Числобог пожал плечами и произнес:

– Может и не смогут. Но вдруг ...

Последние слова прозвучали едва слышно. Образ стал стремительно меркнуть, заменяясь привычной округлостью циферблата. При этом в воздухе разнесся легкий шелест, точно опали осенние листья. То ли время, предназначенное его зрительному восприятию, вышло, то ли какая другая причина была, но вскоре лик пропал, а короб принял свои повседневные очертания. В комнате воцарилась тишина.

Катя в задумчивости сидела на диване. Спать совершенно расхотелось.

«Вот это да! – размышляла она. – Как в сказке: пойдешь туда, не знаю куда; принеси то, не знаю что. Интересно, найдет Совет того, кому такое задание по силам? Хорошо бы. Добежал бы быстренько до Истока и стал его стеречь. Так, на всякий случай. Чтобы спокойнее было».

Тут по темному окну, расположенному ближе к Арбатке, заметались всполохи. Девочка соскочила на пол, подбежала к стеклу и через небольшой просвет в морозном узоре выглянула наружу. На перекрестке, излюбленном месте нечисти, скакала группка кривляющихся человечков со злобными лицами, Шиликунов. Их белые кафтанчики были подпоясаны огненно-красными кушаками, а головы прикрыты остроконечными шапками. В руках они держали ско-

вороды, полные углей. Периодически каждый пыхал на них пламенем, которое выпускал из развернутого рта. И тлеющие угли возгорались с новой силой. Это приводило человечков в дикий восторг. Они тут же начинали повизгивать и сучить похожими на лошадиные ногами. Вдруг все одновременно замерли и, развернувшись, дружно сорвались с места. Вслед за топотом о мерзлую землю копыт вниз по переулку в направлении Маскварики стремительно мчались крики, хохот и снопы летящих от углей искр. Наверное, безобразники заприметили одинокого прохожего и бросились его пугать. А если повезет, то и загнать на лед реки ближе к проруби. Чтобы ноги в такой мороз промочил. Вот потеха-то будет!

«Да что же это такое?! – мысленно возмутилась девочка. – Хоть и темно, но утро же! А эти разбегались, будто сейчас самая полночь! Хорошо, что бабушка за водой в другую сторону пошла».

В этот момент за ее спиной раздалось что-то очень напоминающее капель. Только какую-то обеспокоенную. Или встревоженную. Катя обернулась и посмотрела на потолок. Несмотря на неяркое освещение, проникающее из кухни, его поверхность была хорошо различима: совершенно чистая, без потеков. Да и откуда им взяться-то. Не разгар же весны, да и не ливень летний, чтобы через крышу, если бы она дырявой была протечь. Девочка перевела взгляд на часы. Казалось, звуки доносились именно оттуда. Она подошла к ним, задержала дыхание и замерла. И тут возникло ... едва уловимое журчание!

«Быть не может! – внутренне запротестовала Катя. – Едва успела притчу услышать, как уже чудиться начало! Будто я избранная какая!».

Из короба, от задней его стенки сквозь застекленную дверцу забрезжило светом небольшое пятнышко. Настороженно оглядевшись по сторонам, девочка потянула массивную раму часов и нерешительно заглянула внутрь. В лицо тут же пахнуло луговыми травами, щедро прогретыми солнечным теплом и обласканными птичьим щебетанием. Все это втекало через отверстие в задней стенке, которое обычно оставляет в доске вывалившийся сучок. Снедаемая любопытством, Катя сделала шаг вперед и припала к нему глазом.

Ее восхищенному взору предстал, пронизанный яркими лучами, летний день. В бездонной голубизне неба легкими клочками ваты застыли редкие облачка. Под ними необъятной ширию стелился бескрайний луг. Теплый ветерок нежно колыхал пышное разнотравье, которое расходилось волнами до самого горизонта. Девочка повернула голову и постаралась заглянуть влево. Там вдалеке в вибрирующих струях воздуха подрагивали и перетекали едва уловимые очертания лесков и рощиц. Справа виднелся ровный ряд ветел, по которым можно было угадать русло неширокой реки. Стараясь рассмотреть, как можно больше, Катя плотнее прижалась к отверстию. Это помогло. Обзор существенно расширился, словно края дырочки подались в стороны. Даже будто пропали совсем. Не успела она опомниться, как ...обнаружила себя среди этого всеобщего благоухания!

Девочка вздрогнула и в замешательстве оглянулась назад. За ее спиной непоколебимо высилась обратная сторона задней стенки часов с отверстием-глазком в центре. Это несколько успокоило. Если она только что вышла оттуда, то сможет так же беспрепятственно и вернуться. Чуть впереди на поверхности, вросшего в землю, валуна заманчиво переливалось нечто подобное червонному золоту.

«Сейчас только пару шажков сделаю, разгляжу, что это и сразу обратно», – мысленно уговаривала себя девочка.

Когда она приблизилась, сверкающий предмет шевельнулся, скользнул в траву по другую сторону камня и там затаился.

«Ящерка что ли такая необычная? Никогда подобных не видела!» – размышляла Катя, на цыпочках огибая валун.

Только она обошла его, как продолговатое существо, проворно перебирая лапками, просмыгнуло дальше и снова затихло. Соблазн последовать за ним был очень велик, уж больно

невиданной была у него расцветка. Рассмотреть бы, понять, кто это. Девочка опять обернулась. Короб часов оставался на месте. Полагая, что он никуда не денется, она двинулась дальше. Золотистая полоска, подпустив ее ближе, тут же сорвалась с места.

«Все, хватит! – решила для себя Катя. – Эти прятки бесконечно могут длиться! Ему делать нечего, вот оно и бежит! А мне домой пора!».

Она развернулась и зашагала, было, обратно, как за ее спиной послышался глухой негромкий свист. Будто некто, его издавший, настойчиво позвал за собой.

«А я, кажется, знаю, кто так свистит, – подумала девочка. – Тритоны. Они еще скрипеть и пищать умеют».

И действительно недалеко от нее из травы показалась спинка с пышным гребнем. И он, и тельце земноводного сверкало на солнце чистым золотом, а еще отблескивало переливчатými, словно алмазными, искорками. Катя обомлела. Перед ней застыл настоящий золотой тритон! Обычно-то они темно-коричневыми бывают. Затем, будто стесняясь, медленно поднялась голова и уставилась на девочку преисполненным мольбой взглядом.

Катя вздохнула, всплеснула руками и промолвила:

– Тебе-то что от меня нужно? Мне уже дома пора быть. Бабушка вот-вот с непочатой водой вернется, время праздничный пирог замешивать.

Тритон жалобно пискнул и устремился в сторону ветел.

«Эх, была, не была! – мысленно махнула рукой девочка. – Тут недалеко. Мигом туда, обратно обернись. Может, и впрямь, ему помощь нужна?».

И побежала следом.

Деревья приблизились так стремительно, точно сами с нетерпением ждали, чтобы броситься навстречу. Стволы, покрытые темно-серой с продольными глубокими трещинами корой, были мощные, кряжистые, толщиной в метр и более. Пышные кроны серебрились узкой листвой, унизированной желтыми соцветиями, собранными в длинные сережки. Вокруг них с радостным трудолюбивым гудением роились пчелы.

За ветлами проступило русло реки. Плотное песчаное дно с разбросанными кое-где гладкими камнями виднелось так хорошо, будто над ним текла не вода, а кристально чистый воздух. Катя всмотрелась внимательнее и ахнула. Между берегами действительно что-то струилось. Даже издавало журчание сродни тому, которое звучало в комнате. Но это была не вода. Девочка невольно проследовала взглядом за течением. Оно плавным изгибом подходило к часовому коробу и там ... пропадало!

В этот момент тритон оттолкнулся от берега и, высоко взлетев – что обычные тритоны никак не делают, – с шумом плюхнулся в середину потока. Поднятый им сноп брызг был так велик, точно в реку низвергли неимоверных размеров глыбу. Только брызги те были необычными. Они переливались всеми цветами радуги и окутывали все окрест прозрачным туманом. Сквозь него стал угадываться мужской силуэт в светлых ниспадающих одеяниях, который возник как раз в том месте, куда нырнул тритон. Фигура, устремляясь в небеса, поднималась все выше и выше. Последними в радужных капельках проступили сафьяновые сапоги, изукрашенные золотыми нитями из солнечных лучей и серебряными строчками из лунного сияния. Каблуки сапог были подбиты алмазными подковками звездной россыпи. Лишь только они исчезли в вышине, туман рассеялся.

Перед Катей неспешными водами текла невеликих размеров речушка, каких в наших краях тысячи. Вдоль берегов, хоронясь от солнечного зноя в тени раскидистых ив в набегающих струях упруго колыхались желтые кубышки кувшинок и стебли остролиста. Невдалеке русло делало плавный изгиб и уходило за горизонт. Короба часов ... будто и в помине не было! От неожиданности начала кружиться голова, в висках громко застучали встревоженные пульсы. А ..., а ..., а как же теперь домой возвратиться?!

В этот момент из облаков высунулся огромный загнутый клюв, который, распахнувшись, подобно грому торжественно пророкотал:

– Совет избрал тебя! Ты – единственная, кто способен сердцем чутко чувствовать то главное, что недоступно другим! Только запомни накрепко: лишь достигнешь Истока, обязательно к нему прикоснись!

После чего он сразу же растворился в небесной синеве.

– Ну, дают! – пробормотала девочка. – Хоть стой, хоть падай! Просто попросить нельзя было? Объяснить сначала, что, к чему? Вот пойду я вверх по течению. И прямо до Истока дойду? Уж больно просто получится. Наверняка не так. Или, например, доберусь до него, прикоснусь. Дальше-то, что делать? Как оберегать? Раньше хоть с кем-то вместе была. Посоветоваться могла, на помощь рассчитывать. А тут, словом перемолвиться не с кем.

Она обернулась в одну сторону, в другую, будто ожидала, что сейчас кто-то нужный как раз и явится. Но кругом лишь расстился все тот же бескрайний луг. Да ветлы так же шелестели листвою. И та же речушка тихо катила свои воды.

Катя еще немного постояла, потом вздохнула и двинулась вдоль берега.

«Интересно, сколько идти придется? – мысленно размышляла она. – Вот Коломенка наша поуже этой речки будет, а тянется пятьдесят один километр. А Осетр – аж двести двадцать восемь!».

Да, перспектива тащиться в такую даль была абсолютно безрадостной. Знакомых крылатых существ: Халы и Семаргла, которые могли доставить ее к нужному месту, – рядом не было. Сколько же тогда времени на путь потребуется? И это притом, что в дороге ничего непредвиденного не произойдет. А если отклоняться придется, вообще ужас!

Так прошло какое-то время. Вокруг все было по-прежнему, ничего не менялось. Казалось, даже солнце застыло на месте, особо не торопясь пройти свой дневной путь и отправиться на покой.

«Эх, – подумала девочка, – встретить бы кого, расспросить. Далеко ли речка тянется, сильно ли петляет, нельзя ли путь сократить, где-то вброд перебраться?».

Будто в ответ мыслям вдали у самой линии горизонта возникло пыльное облачко. Оно перемещалось поперек ее движения и неуклонно приближалось. Постепенно в замершем, разомлевшем от тепла воздухе с той стороны стал доноситься топот копыт. К берегу на рысях шла группа верховых. Еще издали были хорошо видны мохнатые меховые шапки, которые, несмотря на жару, венчали головы всадников. Кони под наездниками были необычными, под стать шапкам: густо заросшие взлохмаченной, будто волчьей или собачьей шерстью.

«Нет, – заключила про себя Катя, – у этих лучше не спрашивать. Странные какие-то. Да и по-нашему могут не понимать».

И она почла за благо спрятаться за стволом одной из ив.

Размеренная дробь рыси становилась все ближе. Через некоторое время она поравнялась с тем местом, где затаилась девочка, а потом начала удаляться. Посчитав, что звуки оттекли на достаточное расстояние, и она теперь находится за спиной всадников, девочка поднялась и вышла из укрытия. Лучше бы она выждала еще немного!

В нескольких шагах от нее на замершем, как изваяние, коне сидел наездник. Он крутил носом из стороны в сторону и жадно принюхивался. Голова у него была ... песья! Вот что она издали приняла за шапку!

Не успела девочка до конца осознать происходящее, как всадник резко пришпорил коня. Тот стремительно скакнул по направлению к ней, и через миг ее железной хваткой подхватила мощная рука. В мгновение ока все тело опутала прочная веревка из конского волоса. Водрузив добычу перед собой поперек лошадиной холки, наездник с победными, похожими на лай гортанными криками бросился догонять остальных.

– Усоньша, Усоньша! Я изловил молодую Усоньшу! – во все горло вопил он.

Соплеменники, не сбавляя скорости, оборачивались, скалили свои песьи морды и приветствовали его громкими радостными возгласами.

«Чего так вопят-то?! – морщась от тряски, думала Катя. – Сладили с одной беззащитной девчонкой, а гордятся, будто целое вражеское войско разбили. Да, еще словом каким-то непонятным обозвали».

Неизвестно, сколько бы продолжалось всеобщее ликование, если бы скакавший во главе здоровенный детина сурово не рявкнул:

– Ну-ка молчать! Беду накликать хотите?! До привала – ни звука!

И настороженно повел глазами по сторонам. Все разом стихли. Даже копыта коней, как показалось, стали стучать мягче и приглушеннее. Когорта свернула и стала удаляться от руслу. За время пути они еще несколько раз меняли направление, следуя ведомыми только им тропами. Девочка уже давно перестала понимать, где осталась река и склонившиеся над ней ветлы.

Так безостановочно скакали до вечера. Когда от солнца над поверхностью земли осталась лишь тонкая багряная полоска, старший вскинул руку и махнул ею в сторону. Остальные с готовностью последовали, куда было указано. Вскоре по тому, как кони начали притормаживать передними ногами, Катя поняла, что начался пологий спуск.

Наконец, они достигли дна небольшой балки, густо заросшей кустарником и молодыми деревцами. Спешившись, все шестеро уселись в кружок, достали дорожные сумки и принялись их развязывать, готовясь к вечерней трапезе. Пальцы, которыми они ловко распутывали ременные петли, были, как у людей. Да и все остальное тоже. Короткие походные кафтаны, широкие, заправленные в сапоги порты, оружие. Лишь головы с приоткрытыми пастями, слегка высунутыми языками и учащенным, как у собак, дыханием говорили о не вполне человеческой природе этих существ.

Пленивший девочку воин подгрел ближе к себе сухой мох и тонкие веточки. В его руках появились два продолговатых камня, которыми он резко ударил друг о друга. Наверное, хотел высечь искру и запалить костер.

– Огонь не разводите! – тут же прорычал главный. – Есть холодным!

Тот, кому был адресован этот окрик, нахмурился, опустил голову и что-то недовольно пробурчал. Вожак измерил его суровым взглядом, ощерился и хрипло пролаял:

– Ты, Клык, норов-то поубавь, целее будешь! Пока здесь команду я! Иль силой со мной помериться хочешь?!

Клык понурился еще больше, но ничего не ответил. Однако его крепко сжатые челюсти красноречиво говорили о том, что терпит унижительные слова из последних сил.

– Охолопись, говорю! – продолжил старший. – Давно вижу, на мое место метишь. Может, и настанет такое время. А пока рано. Молод еще и неопытен. Ты сначала не только в вылазках, в боях себя прояви. Узнай, как вражьи стрелы да сабли над головой свищут, как недруги под твоими ударами валятся. Когда боевыми шрамами себя украсишь, как я, тогда и претендуй. А беззащитную Змейку пленить – не велика важность!

Тут он перевел взгляд на лежащую невдалеке девочку и добавил:

– Тихая, какая попалась. Не шипит, ядом не плюется. Ты ей поесть дай. А то до дома не доведем. Обидно будет без благодарности князя остаться. Он потом за нее от Усоньшей выкуп богатый получит. И тебе зачтется. Глядишь, быстрее в начальники выбьешься, – и негромко с издевкой хохотнул.

Молодой воин извлек что-то из сумки, с усилием надорвал или отделил, поднялся и подошел к Кате. Распутав ей руки, он оставил перед ней небольшой кусок мяса. Видя, что явной враждебности к ней не испытывают, девочка, было, открыла рот, чтобы объясниться. Но не тут-то было. Ее сразу же прервал суровый окрик:

– Молчать! Сказки будешь рассказывать в княжеском тереме! До того – ни слова, если жить хочешь!

Он вернулся к соплеменникам и хмыкнул:

– Ишь, ты! Маленькая, а туда же! Только волю дай, тут же зубы заговорит! Наврет с три короба, чтобы разжалобить и улизнуть потом! Ух, и хитрющая у них порода!

Катя абсолютно ничего не понимала. Но было необыкновенно обидно. Тем более что не дали никакой возможности вступить в разумный разговор. Поэтому она решила в знак молчаливого протеста к ужину не притрагиваться. Пусть знают наших! Но приготовленное к походу копченое на пряных травах мясо пахло так зазывно, что пальцы сами собой стали отделять от него тоненькие волокна и отправлять в рот. Тот же вместо того, чтобы гордо стиснуть зубы, слабовольно допускал в себя все, что ни предлагали руки.

Воины тоже принялись трапезничать. Девочка вскинула глаза и обомлела. В руках у них были кости с остатками мяса, которые они глодали и грызли, урча от удовольствия.

«Хорошо, что не сырятину едят, – подумала она. – Хотя в походе ее на солнце не сохранишь, стухнет, – и перевела взгляд на схожих с лохматыми псами коней. – Эти-то чудища, чем кормиться будут?».

К ее облегчению те, как и надлежит лошадям, мирно щипали траву.

Насытившись, вожак распорядился:

– Всем отдыхать! Сторожить в очередь, меняться каждый час! В дозоре не дремать! Слушать, чують и смотреть в оба!

Определив порядок, кто за кем, он первым заступил на охрану. Остальные повалились спать.

Глава II

Разгневанные воительницы, неожиданный побег и песнь жаворонка

Стояла теплая летняя ночь. Воздух был наполнен запахами трав и негромкими звуками, которые обычно сопровождают ночную жизнь. То кто-то травой едва слышно прошуршит, то прошелестит невидимыми крыльями. Подросший до половины луны месяц освещал все окружающее ровным серебристым сиянием. Девочка спала тревожно, то и дело, приоткрывая веки. Наверное, сказалось все вместе: и потрясение от пленения, и утомительная дорога на загривке коня, и стягивающие тело путы.

Ближе к утру в том месте, где расположились воины, стал собираться туман. Достигнув середины усеявших дно нечастых кустарников, он потек в обе стороны по руслу балки. Постепенно расширяя свои владения, неспешно проглатывал деревце за деревцем, поросль за порослью.

Катя пробудилась в очередной раз и глянула по сторонам. Невдалеке стоял заступивший в охранение Клык. Он обхватил уткнутое древком в землю копьё. Голова его была опущена и упиралась подбородком в грудь. Было видно, что воин находился в глубокой дреме. Да, не всякому по силам одолеть такого изощренного противника, как сладкий предутренний сон. Не каждый бывалый рубака с этим справится. Что уж о молодом-то говорить!

Вдруг в шаге от девочки из тумана по пояс бесшумно вынырнул женский силуэт в боевом облачении. Голову венчал небольшой легкий шлем мисюрка. Тело закрывала набранная из мелких колец темного металла кольчуга, отливавшая в свете луны, как змеиная кожа. Воительница бросила взгляд на Катю и приложила палец к губам: молчи, мол. Затем пригнулась, прячась за пеленой, и буквально через миг возникла в другом месте. Было впечатление, что она не перебежала, а стремительно и бесшумно скользнула. Внимательно обозрев спящих воинов, она издала легкий короткий свист, напоминающий шипение. В ответ на него с другой стороны замаячила еще одна похожая фигура. И тут же ночной покой разорвал резкий крик:

– Бей Песьеголовцев! Рази!

Выпущенное умелой рукой короткое метательное копьё чиркнуло воздух и вонзилось в плечо Клыка. Тот охнул и завалился на бок. Нападавшие с пронзительным визгом ринулись в центр становища. Опытный вожак вскочил первым, выхватил кривую саблю и бросился в бой, давая другим возможность прийти в себя и подняться. Он умело отражал сыпавшиеся на него удары, увертывался и атаковал сам. Сделав обманный выпад, он замахнулся, чтобы нанести сокрушительный удар. Но предполагаемая жертва, слегка разомкнув губы, неожиданно выпустила ему в глаза тоненькую упругую струйку. Тот мгновенно выронил оружие и схватился руками за лицо.

– Проклятые Ягини! – вскричал он. – Бейтесь честно, без коварства!

Но его призыв никто не слушал. Воительницы принялись за остальных. Они, то пропадали в тумане, то появлялись вновь. И каждый раз в другом месте, совершенно неожиданном для метавшихся из стороны в сторону Песьеголовцев. Казалось, что их было никак не меньше дюжины. Хотя вначале Катя увидела всего двух. Под натиском обороняющиеся воины, подхватив раненого Клыка и старшего, отчаянно отбиваясь, стали отступать.

– Коней! Живо! Уходим! – скомандовала та, которую Катя увидела первой.

Тут же появились кони. Легкие, длинноногие, грациозные они, казалось, были покрыты не привычной лошадиной шкурой, а чем-то более напоминающим гладкую кожу пресмыкающихся. Воительница склонилась над Катей и попыталась ослабить стягивающие ее путы. Но узлы оказались уж больно мудрено завязанными, да и в тумане приходилось действовать почти

на ощупь. Поэтому женщина через короткое время подхватила Катю и водрузила на своего скакуна. Затем вскочила сама и расположилась таким же образом, что и девочка, боком.

– Потерпи до становища, – шепнула она. – Тут недалеко.

И причмокнув губами, скомандовала:

– Н-но, пошел, пошел!

Кони без усилий вынесли их вверх по склону и помчались вперед. Было впечатление, что они не скакали, а стелились над травой стремительно и бесшумно. Рядом с Катиной спасительницей мчались соплеменница в таких же доспехах и при оружии. Она лишь слегка щурилась от набегающего потока воздуха, лицо же оставалось суровым и непроницаемым. Периодически та скашивала глаза и бросала взгляд на стянутые веревками ноги девочки. При этом всякий раз ее зрачки как-то подозрительно недобро сужались. Охваченная надежной рукой всадницы Катя ощутила облегчение и прикорнула. Вскоре она почувствовала, что кони перешли с галопа на рысь, а затем на шаг.

Девочка открыла глаза. Было еще довольно темно. Вокруг царили предрассветные сумерки, поэтому разглядеть что-либо детально оказалось непросто. Виделось только, что они двигались через какое-то бескрайнее пространство, изредка перемежавшееся недолгими полыми спусками и такими же подъемами. Ничего другого не угадывалось. Хотя по тому, что лошадей пустили шагом, чтобы остыли после скачки, можно было предполагать приближение становища. Но света в оконцах видно не было, запах печного дымка не витал, лай собак не доносился. Вокруг было голо и пустынно.

Видя, что девочка проснулась, та наездница, что до того посматривала на Катю, чуть выделяя шипящие, спросила:

– Ты, чьих будешь? Какого рода, племени?

Катя догадалась, что вопрос касается ее семьи и ненадолго задумалась. Чью фамилию назвать, мамину или папину? Или кого-то из бабушек, дедушек? Интересно, зачем это ей? Та же, расценив, очевидно, заминку как результат полученных переживаний, уточнила:

– Предков-то как звали, величали?

Из всех девочка знала лишь фамилию того, кто в конце восемнадцатого века построил дом, в котором сейчас жила бабушка. Поэтому тут же ответила:

– Из Сурановых я.

– Сура-ановы? – протянула всадница. – Что-то не слышала о таких. Вот мы – Ягини. Есть родственные нам Виевны. Еще – Усоньши. Я думала, ты – из них. Уж больно внешностью схожа, такая же светловолосая да голубоглазая. А ты, стало быть, Сурановна.

Та всадница, на чьем коне расположилась девочка, обратилась к товарке и спокойно, но хмуро промолвила:

– Не гоже, Серпента, наши законы нарушать. Надо сначала до места добраться, напоить, накормить, спать уложить. А уж потом с расспросами подступать.

– А я ни с чем и не подступаю, Яжа, – ответила та. – Пока. Просто любопытствую.

И снова спросила:

– И где же земли ваши лежат?

Ее глаза опять сузились.

– Вон там, – неопределенно махнула рукой Катя куда-то в сторону.

– Севернее отсюда, значит, – заключила женщина. – То-то, смотри, с Усоньшами на одно лицо. Они там же живут, по соседству. Не встречала разве?

Честно говоря, эти непонятные расспросы начали порядком беспокоить. Не успела девочка ответить, как в разговор вклинилась Яжа.

– Ну, все, хватит! – решительно заключила она. – Пока не достигнем становища, больше ни слова!

Серпена презрительно хмыкнула, передернула плечами и демонстративно отвернулась. Так в молчании они ехали еще какое-то время. Постепенно начало светать. Впереди показался очередной взгорок с широким основанием и пологими склонами. Всю его поверхность покрывали странные, будто ошетилившиеся нагромождения. Приглядевшись, Катя поняла, что это – пни огромных деревьев, набросанные вверх корнями. Каждый из них был тщательно затесан, так что вовне торчали сотни заостренных жал. Кое-где меж ними для верности были заткнуты колючие сухие ветки лесной малины и ежевики. Все без исключения заточенные окончания корней и иглы кустарников покрывал ядовито-желтый налет то ли пыльцы, то ли плесени. Почва вокруг холма бороздилась морщинами обезвоженной поверхности с редкими пучками пожухлой травы. Невдалеке в предрассветной дымке стал проступать пасущийся табун. Конь Яжи задрал голову, радостно заржал и, почуяв дом, ускорил шаг.

Тут же меж корней, словно явившись из-под земли, возникли человеческие фигуры. При чем, сплошь женские, внешностью и одеждой схожие с Катиными сопровождающими. Ловко лавируя в спутанном частоколе, они легко и бесшумно спустились вниз и сгруппировались недалеко от подножия.

Яжа спешила и приветственно вскинула руку. А затем принялась внимательно рассматривать узлы на путях девочки. Через короткое время воительница кивнула, будто дала понять, что принцип их затягивания ей ясен. И действительно, она сделала несколько сноровистых движений, и веревка длинной бессильной струйкой потекла вниз. Женщина ловко подхватила ее и начала неспешно сматывать.

– Единственно дельное, что есть у этих треклятых Песьеголовцев, так это веревки, – словно поясняя Кате, сказала она. – Мастерски плетут, ничего не скажешь. Легкие, прочные, долговечные. Жалко такую ножом кромсать, еще не раз сгодится.

И добавила:

– Вот и все, плен твой закончился. Давай, соскальзывай!

И с этими словами она со спутницей двинулась в сторону сородичей. Катя спрыгнула с коня и принялась разминать затекшие руки и ноги. По толпе прокатился сдавленный ропот. Серпента резко обернулась. Ее зрачки снова сузились в вертикальную, как у змеи, щелочку. Рот скривился и через разомкнувшиеся губы грозным шипением раздалось:

– Э-это что-о?!

Катя, не понимая причины раздражения, удивленно воззрилась на нее.

– Это что за безобразие, я спрашиваю?! – взорвалась Серпента и ткнула оправленной в металл боевой рукавицей в ноги девочки.

– Это? – недоуменно переспросила та. – Это – ноги. А что? – и растерянно повела глазами.

И тут внутри все похолодело! Окружающие ее Ягини, плавно покачиваясь корпусом, стояли на змеиных хвостах, начинавшихся у них вместо ног от пояса!

«Так вот почему они боком на конях сидят! И нападают бесшумно стремительно! Как же я сразу не разглядела?!» – пронеслось в голове у Кати.

Серпента злорадно ухмыльнулась и обратилась к Яже:

– А ты, сестра, когда в балке крались, еще радовалась, что нашего племени прибыло. Мечтала воспитать из нее настоящую воительницу. Куда там! Я в темноте все присматривалась, понять не могла, зачем Песьеголовцы ей хвост опутали. Подозрения стали закрадываться. Оказалось, права была. Из этой двуножки никакого прока не будет! Пока до врага добежит, солнце к закату склонится! И скрытно подкрасться не сумеет! Такой топот поднимет!

Яжа стояла и хмуро рассматривала девочку. Судя по всему, ей было неприятно слышать такие упреки. Да еще и высказанные прилюдно. И крайне досадно, что обманулась в своих ожиданиях. Хотя она и старалась держать себя в руках, бьющее через край раздражение так и прорывалось в дрожащем от возмущения голосе, когда, обращаясь к девочке, заговорила:

– Ну, что на это скажешь, обманщица?!

Она приблизилась и нависла над девочкой. Только сейчас Катя увидела, насколько грозны эти воительницы. Тела, закованные в металл, были по-мужски широкими и мускулистыми, излучающими необыкновенную мощь. Настоящие богатырки, сладить с которыми не всякому воину под силу.

Девочка поняла, что от ответа может зависеть ее будущее. Поэтому решила твердо стоять на своем. Она взглянула на Яжу и, стараясь сохранять самообладание, по возможности ровным голосом произнесла:

– А в чем я вас обманула? Вы спросили, какого я рода. Ответила. В какой стороне живу. Показала. Ну, может быть, с направлением ошиблась, потому что меня Песьеголовцы путанными тропами возили. А больше ни о чем не спрашивали. Да и вообще сначала по закону надо накормить, напоить, спать уложить, а уж потом расспрашивать! Сами же говорили!

От такого напора сестры растерянно переглянулись. Яжа еще раз окинула внимательным взором Катю и с некоторой нерешительностью в голосе спросила:

– Ты хочешь сказать, что там у вас так передвигаются?

Это придало девочке уверенности, и она ответила:

– Конечно! Все до единого! А бьются как! Любо-дорого посмотреть! Сколько раз родной город от вражеских полчищ отстаивали!

Яжа поджала нижнюю губу и с сомнением окинула взглядом отнюдь не богатырскую фигуру девочки.

– Да врет она все! – вдруг выпалила Серпента. – Я поняла! Ее нам Песьеголовцы специально подсунули! Даже схватку инсценировали, чтобы натуральнее выглядело. Помахали для вида саблями и убралась без серьезных потерь. А мы ее будто из плена вызволили. Вот приютили бы, она втерлась в доверие и начала народ смущать! Чтобы племя покинули и тем самым его ослабили! Тогда остатки взяли бы голыми руками и на «нет» извели!

С этими словами она схватила Катю и потащила к заостренным корням.

– Пригвоздить лазутчицу немедля! В назидание другим! Чтобы неповадно было! – злобно выкрикивала она.

– Ну-ка, прекрати! – одернула сестру Яжа. – Пока не разберемся, пальцем ее не трогать! Погубим родственную душу, вовек не оправдаемся!

И обратилась к притихшим сородичам.

– Отрядите разьезды! – приказала она. – Скачите во все концы! Узнайте, есть ли такие Сурановны! Усоньши и Виевны пусть людей дадут на подмогу! Одарим потом щедро! Срок – неделя! По коням!

И наклонилась к Кате:

– Молись, девонька, чтобы рассказанное тобой подтвердилось. Тогда в почете и у нас поживешь, и к своим вернешься. Если же обман вскроется, несдобровать. Лично муравьям скормлю!

– А сейчас-то с ней, что делать? – мрачно спросила Серпента.

– На хозяйство определите, – ответила Яжа. – Наша блаженная едва поспевает. Вот к ней в помощь и отрядите. Заодно та пусть и присмотрит.

И крикнула в толпу:

– Эй! Ты где там запропастилась?!

Толпа раздалась в стороны, и вперед выскользнула миловидная стройная девушка, почти подросток. Она в напряжении замерла, склонила голову и покорно опустила руки. Ее лицо не выражало никаких эмоций.

– Возьмешь вот эту! – обратилась к ней Яжа. – За работу требовать нещадно, без жалости! Глаз с нее не спускать! Головой отвечаешь!

Потом скинула с плеча смотанную до того веревку и, обратившись к Кате, потребовала:

– Руку давай! Привяжу ее к тебе для надежности! Чтобы не сбежала до поры!

Когда хитроумные узлы были затянуты, она заключила:

– Все, хватит валандаться! К делу приступайте! А мы пока отдохнем с дороги.

Обе воительницы стремительно удалились и вскоре скрылись под корнями. Собравшиеся, недружелюбно поглядывая на Катю, стали расходиться. Через недолгое время на площадке остались только они одни. Юная Ягиня развернулась и направилась к ошестиненному взгорку. Веревка быстро натянулась, и Катя вынужденно последовала за ней. Она двигалась почти бегом, но все равно не поспевала за своей спутницей, которая без особых усилий перемещалась необычайно быстро. Та несколько раз останавливалась и поджидала девочку. За время недолгого пути ни одна не проронила ни слова. Сама Катя заговаривать первой не спешила. Во-первых, это могли расценить, как проявление слабости. Во-вторых, после такого неожиданного поворота событий надо было сосредоточиться и решить, как выкручиваться из этой чудовищной ситуации. Неделя – не такой уж и большой срок. Дальше-то, что будет?

Начали подниматься. Едва заметная тропка была узкой и извилистой и постоянно огибала торчавшие отовсюду колючки. Такие резкие повороты были настолько непривычными и неудобными, что на одном из них Катя невольно споткнулась. Тут же потеряв равновесие, она стала заваливаться на острые окончания. Девочка не успела толком осознать случившееся, как ее ловко подхватила мгновенно метнувшаяся к ней Ягиня.

– Будь осторожна! – предупредила она. – Каждый кончик смазан ядом! Наколешься, поминай, как звали!

Удивительно, но в ее взгляде и голосе не чувствовалось ни враждебности, ни презрения. Немного помедлив, девочка сказала:

– Спасибо! Меня Катя зовут. А тебя?

– Я – Ужица, – ответила собеседница и вдруг на миг просветлела лицом. – Как приятно! Меня еще ни разу в жизни никто не благодарил. Только шпыняли все время.

– Почему? – искренне удивилась Катя.

В этот момент невдалеке, почти скрытая колючим валежником неслышно проплыла одна из Ягинь. Ужица тут же вздрогнула и боязливо втянула голову в плечи, а ее лицо вновь приняло безучастное выражение и словно окаменело.

– Пора за работу, – произнесла она бесцветным голосом и двинулась дальше.

Наконец, перед ними в земле открылся небольшой округлый вход, похожий на нору. Вползая в него пришлось на животе, помогая себе всем корпусом. Под руками негостеприимно шелестела сухая трава, занесенная внутрь прошлогодним осенним ветром. Влажный воздух был спертый и отдавал запахом прелости и гнили. Проход постепенно уходил вниз и понемногу расширялся. Вскоре он стал настолько широк, что можно было встать в полный рост. Время от времени он пересекался с похожими коридорами, образуя в конечном итоге путанный лабиринт.

«Ловко придумано, – не могла не отметить про себя Катя. – Если какой враг нападет, обязательно отравленные колючки заденет. Коли до начала прохода посчастливится добраться, обязательно вползает будет. Считай, что обезоружен. Да и в переходах несусветных заблудится. Тут наверняка и другие выходы есть. Через них Ягини выберутся и с тыла нападут. Как же мне-то отсюда сбежать?!».

Скоро они достигли довольно просторного помещения, которое, очевидно, было жилым. На полу в беспорядке находилось с дюжину травяных подстилок, которые, судя по всему, служили спальными местами. Ужица нагнулась и начала укладывать их в стройный ряд. Катя принялась помогать. Несколько раз молодая Ягиня поправляла ее работу, когда казалось, что матрасы лежат не очень четко. Но это не было связано с неаккуратностью девочки или ее нежеланием работать. Просто, во-первых, ей такое приходилось делать впервые. Во-вторых, в норе стоял сумрак, поэтому разглядеть тонкости и детали было практически невозможно. Затем они протерли и расставили вдоль стен многочисленное оружие. Причем, не как вздумается, а

строго по назначению. Его было великое множество, словно здесь размещалось не несколько Ягинь, а целая армия. Колющие кончары, рогачи и сулицы следовали за рубящими балтами, бердышами и совнями. Отдельно располагались ударные, которых было больше всего: ослопы, перначи, клевцы, булавы, палицы, шестоперы. После перетаскивания и перекалывания всей этой тяжести руки и ноги точно налились свинцом и отказывались слушаться.

Когда работа была завершена, Катя с облегчением подумала о том, что можно сделать перерыв. Но Ужица выскользнула в коридор и повела ее в следующую пещеру. Там повторилось то же самое. Потом последовало еще одно помещение, за ним другое, третье. Обессиленная девочка давно уже сбилась со счета и не чаяла, когда же все закончится. Наконец, они двинулись по очередному проходу, который плавно стремился вверх.

Когда выбрались наружу, Катя вдохнула полной грудью и от обильного притока воздуха ощутила головокружение. Она собралась, было, присесть, чтобы прийти в себя, но спутница повлекла ее вниз по склону.

– Нам еще коней напоить надо! – торопливо сказала та.

Ничего не оставалось, как только взять себя в руки и внимательно следовать путаной тропкой, чтобы ненароком не задеть ядовитые колючки. Достигнув подножия взгорка, они отправились к табуну. Под палящим полуденным солнцем сгрудившиеся кони стояли, замерев, как в полудреме, и лишь изредка помахивали хвостами, лениво отгоняя кружащих над ними слепней и мух. Рядом располагалось водопойное корыто, выдолбленный ствол какого-то большого дерева. Подхватив находившиеся тут же ведра, труженицы поспешили в сторону видневшегося неподалеку источника. От царящей многодневной жары он почти пересох и робко булькал редкими ключиками. Поэтому каждое ведро наполнялось долго и утомительно. Всякий раз, пребывая в ожидании, Ужица прикрывала глаза, словно погружалась в грезы. Катя, которую не покидала мысль об освобождении, видя, что вокруг никого посторонних нет, решила начать разговор. Осторожно, издали.

– Слушай, какое у тебя имя необычное, – сказала она.

– А разве другие тебе привычнее? – удивленно спросила собеседница.

– Ну, по крайней мере, понятнее, – ответила девочка. – Яга, наверное, от имени Яга происходит. Серпента очень схоже со словом «змея».

– Мое имя тоже несложное, девочка-уж означает. Потому что безобидная и не ядовитая.

– У тебя, правда, яда нет? – спросила Катя. – Я видела, как другие им в лицо противнику брызжут.

– Правда, – кивнула Ужица. – Сколько времени прошло, а он так и не начал вырабатываться.

И пояснила:

– Он у нас годам к четырнадцати появляется. Сразу после этого возмужание наступает. плечи раздаются, корпус мощным становится, тугими мышцами обрастает. Тут начинают ратному искусству обучать. Два года на это уходит. После становишься полноправным членом племени, с врагами воевать начинаешь.

– А враги-то кто? – поинтересовалась Катя.

– Нас учат, что все, кроме наших родственниц, – ответила Ужица.

– Интересно, почему так с тобой происходит? – задумчиво произнесла девочка.

Та пожала плечами:

– Не знаю. Может, потому что участвовать в битвах никогда не хотела, оружием не стремилась владеть. Не люблю я его, боюсь даже. Оно только горе приносит.

– Но какие-то желания у тебя все-таки есть? Ведь так не бывает, чтобы совсем без мечты. Без нее жизнь не имеет смысла.

При этих словах глаза девушки оживились, лицо просветлело. Мысленным взором она вновь унеслась куда-то вдаль. Туда, где в золотистых призрачных чертогах в одиночестве оби-

тала ее сокровенная мечта. В этот миг она даже забыла про наполненное ведро, через край которого с тихим журчанием переливалась вода.

– Есть, – застенчиво сказала Ужица. – Спокойной жизни хочу, семью, детей, – и смущенно зарделась.

– Ну? – не поняла Катя. – И что мешает?

– У нас это под запретом, – вздохнула собеседница. – Только бои, битвы, войны.

– Тогда попроси отпустить к другим народам. Туда, где это разрешено и считается нормальным.

– Ты что?! – испуганно округлила глаза юная Ягиня. – Только заикнись, сразу муравьям скормят!

– Фу, ты! – фыркнула девочка. – Второй раз за день об этом слышу. Что за ужас-то такой?

– Это – действительно ужас! – дрогнувшим голосом произнесла Ужица. – Виновную кусают, впрыскивая небольшую порцию яда. Но не убивают, только обездвиживают. А потом заживо бросают в муравейник!

Кате вспомнилась угроза Яжи, и тело тут же захлестнула леденящая дрожь. Все! Больше ходить вокруг да около не имело смысла!

– Тогда бежать надо! – решительно вымолвила она. – Обеим!

Ужица окинула внимательным взглядом хрупкую фигуру собеседницы, потом понурилась и отрицательно покачала головой.

– Ничего не выйдет, – со вздохом сказала она. – Рассказывают, в прежние времена некоторые пытались бежать. Настоящие богатырки были, не нам чета. На крепких быстрых конях, при оружии. Только переловили их. Почти всех. Правда, доходят слухи, что те, кто спасся, хорошо живут. С семьями, в мире и согласии.

– Значит, шанс есть! – постаралась воодушевить ее Катя.

– С комариный хоботок, – печально возразила Ужица. – А для нас с тобой и того меньше.

– Так ты всю жизнь собираешься провести в унижении и мытарствах?! – воскликнула девочка.

– Если бы всю ..., – едва слышно вымолвила Ягиня. – Мне сроку до шестнадцати лет отвели. Он уже почти весь вышел. Если через месяц яд не появится, то все ...

– Что все?! – с замиранием сердца спросила Катя.

– Совсем все, – с трудом шевельнула Ужица побледневшими губами. – Тут никому прислуга не нужна, лишний рот. Меня и так из уважения к матери в живых оставили. Она уж больно знатная воительница была.

А потом с надеждой добавила:

– Хотя может быть и пощадят.

– Так! Не киснем! – Катя прихлопнула ладонью по колену. – У нас несколько дней в запасе есть! Что-нибудь придумаем!

Вдруг лицо Ужицы напряглось, и она вскинула на девочку подозрительный взгляд.

– Постой! А тебе-то это зачем?! – сощурилась она. – Получается, через неделю разъезды вернутся и обитание твоего народа не подтвердят?! Ты действительно лазутчица?! Тебя ненавистные Песьеголовцы подслали, чтобы женщин смутить. Уговорить их племя покинуть и в другие земли уйти. А потом с остатками расправиться.

– Да ничего подобного! – с досадой отмахнулась Катя. – Меня здесь даже близко не должно быть! Мне вообще в другое место нужно!

– В какое? Секрет? – спросила Ягиня.

– Совсем не секрет, – сказала девочка. – Речку я одну ищу. Которая журчит не так, как другие. Мне к ее истокам надо.

– А зачем? – последовал вопрос.

– Чтобы всем жилось спокойно и радостно! – ответила Катя.

Искренняя реакция девочки, очевидно, убедила Ужицу, что та не обманывает. Особенно слова об общей радости и спокойствии. Тем не менее, было видно, что она пребывает в глубоких сомнениях и мечется душой. Страстное желание обрести счастье в других землях боролось со страхом быть пойманной и подвергнутой жестокой казни.

– Ну-у, не знаю, – протянула она задумчиво.

И тут же, спохватившись, добавила:

– Хватит разговоры разговаривать! Скоро, поди, искать начнут! Не ровен час, накажут, присматривать тщательнее станут! А сейчас это совсем ни к чему!

Они вскочили, дружно подхватили ведра и поспешили обратно. Так ходили несколько раз. За все время Ужица была погружена в себя и не проронила ни слова. Наверное, старалась привыкнуть к новой мысли. Или что-нибудь придумать для побега.

Когда и эта работа была закончена, девочка и Ягиня, пошатываясь от усталости, подошли к взгорку. У подножия к ним спиной стояли Серпента с Яжей и о чем-то беседовали. Заслышав их приближение, первая обернулась и набросилась на них со словами:

– Прохлаждаетесь?! Ну-ка, марш, в трапезную! Скоро ужин, а там до сих пор не прибрано!

– Мы только что коней напоили, воды вдоволь дали, – жалобно вымолвила Ужица. – Можно, хоть минуточку передохнем? Пожалуйста.

– Ладно, – отрывисто бросила та. – Только не больше!

Обессиленные девочки повалились в тень. А богатырки вернулись к прерванному их приходом разговору.

– Так вот я и говорю, – сказала Серпента, – это мне только кажется или, в самом деле, дождь надвигается?

– Я тоже его чувю, – кивнула Яжа. – Хорошо бы, пошел. Трава посохла. Кони, какую неделю на одной воде живут, отощали совсем. Источник, того гляди, иссякнет, сами без воды останемся. Скоро, не ровен час, ослабнем совсем. Если кто нападет, голыми руками взять нас сможет.

– Проклятый Босоркун! – в сердцах сжала кулаки Серпента. – Всякий раз жарким ветром со своих гор налетает, тучи прочь гонит, засуху насылает! Неужто опять явится?!

– В этот раз такого допустить никак нельзя, – заключила Яжа. – Вот что! Бери людей побольше и выдвигайся. Встречай его на дальних подступах. С собой – только луки и стрелы. Бить пеленой и всем вместе. Этот хитрец хоть и невидим, но, авось, заденете. Думаю, если раните, сразу восвояси уберется, не успеет облака отогнать.

– Ох, и умна же ты, сестра! – в восторге хлопнула ее по могучему плечу Серпента и оглушительно гаркнула:

– Все на выход! Седлайте лошадей! Живо!

Не успел конный отряд удалиться, как в воздухе повеяло освежающей прохладой. С запада из-за горизонта неспешно наползала туча, почти цепляя потрескавшуюся землю тяжелым, разбухшим от влаги лиловым брюхом. С юга же ей наперерез уже стремительно летели вихревые потоки цвета пожухлой листвы: раскаленный сухой ветер. Было видно, как подоспевшие Ягини вскинули луки и дружно выпустили в его центр плотное облако стрел. Воздушный поток колыхнулся, будто резко повел мощным крылом и сдул стрелы в сторону. Тут же последовал второй залп, за ним – третий, но результат оказался тот же. Яжа, забравшись на вершину холма, принялась подавать соплеменницам какие-то замысловатые знаки. Те сразу же наскоку разбились на четыре группы, выстроились квадратом и выстрелили еще раз. Острые наконечники с силой прошли всю плоскость летящего жаркого воздуха. От настигшего его удара он вздрогнул и разразился громким протяжным воплем. Затем замедлился, затрепетал и начал конвульсивно дергаться, будто пытался восстановить потерянную скорость. Постепенно в прекративших кручение струях стал проступать силуэт сухопарого старика. Его длин-

нополые выцветшие одежды зияли прорехами. С искривленным от боли лицом он отчаянно тряс головой, отчего взлохмаченная неопрятная шевелюра и всклокоченная борода мотались из стороны в сторону. За его спиной были распростерты необычайно длинные крылья, в одном из которых торчала стрела. Он судорожно работал другим, пытаясь набрать высоту, недостижимую для губительных стрел. Ягини, недолго понаблюдав за происходящим, вновь вскинули луки. Босоркун, поняв тщетность своих попыток, поспешно развернулся и бросился наутек. Летел он небыстро и неровно, то и дело, заваливаясь на раненное крыло. Воительницы подхватились и опьяненные успехом с гиканьем и улюлюканьем бросились следом.

Вокруг начало быстро темнеть, словно день закончился и уступил права глухим сумеркам. Край тучи накрыл взгорок и кинул вниз пробную пригоршню тяжелых крупных капель. Потом еще одну и еще, все чаще и сильнее!

Сизая громадина, радуясь отсутствию жаркого напористого сопротивления, восторженно заклокотала и двинулась дальше, все больше раздражаясь мощным гулом, сопровождающим начавшийся безудержный ливень. Сквозь его пелену было видно, как Яжа проворно юркнула внутрь одного из лазов.

– Бежим! – задыхаясь от волнения, шепнула Катя. – Другого шанса не будет!

И они сорвались с места.

Сначала истосковавшаяся по влаге земля тщательно впитывала каждую упавшую на нее капельку. Потом, утолив первую жажду, вольготно распласталась и принялась блаженствовать в низвергающемся изобилии, постепенно набухая поверхностью, как зреющее в квашне тесто. И, наконец, жмурясь от удовольствия, растеклась обильными грязевыми потоками.

Бежать становилось все труднее. Ноги постоянно разезжались и проскальзывали. Иногда складывалось впечатление, что это – не больше, не меньше, чем бег на месте. Положение становилось отчаянным. Девочка, как ни старалась, никак не могла поспеть за спутницей.

– Прыгай на хвост! – стараясь перекрыть шум дождя, крикнула Ужица.

Катя, не раздумывая, встала на плотную округлую поверхность несколько ниже ее соединения с туловищем и крепко ухватила спутницу за плечи. Та без особых усилий заскользила дальше. Со стороны, наверное, это могло напоминать катание на водных лыжах. Ягиня время от времени закладывала виражи, отчего из-под ее упругого тела периодически выплескивались водные гребни. Девочка же ощущала себя, как на скейтборде: она старательно удерживала равновесие, чтобы не упасть и не увлечь за собой Ужицу. Так под ровными, вертикально падающими струями они неслись вперед, все больше отдаляясь от ошкетиненного взгорка.

Постепенно дождь начал стихать. Как это всегда и бывает, сначала умерился его шум, затем значительно посветлело. Редкие капли еще нет-нет, но падали в растекшиеся повсюду лужи, вздымая забавные фонтанчики. В начавших проглядывать солнечных лучах они рассыпались яркими разноцветными горошинками. На сердце сразу стало веселее. Будто не было ни побега под покровом тучи, ни переживаний и страхов из-за возможной погони.

– Сто-ойте! Стойте, негодницы! Все равно не уйдете! – вдруг послышался далеко за их спинами мощный окрик.

– Яжа! – в испуге выдохнула Ужица и заскользила быстрее.

Преследовательницу еще не было видно. Но судя по доносившимся угрозам и проклятиям, она неуклонно приближалась. Еще немного и достигнет ведь! И что тогда делать?! Как спрятаться, где укрыться?! Кругом во все стороны раскинулась лишь безучастная равнина.

Неожиданно Ужица резко затормозила, так что Катя едва удержалась и не полетела кувырком.

– Все кончено! – дрожащим голосом промолвила юная Ягиня и обреченно поникла головой.

Поперек их пути лежала река. Наверное, в обычное время ее можно было назвать речушкой, спокойной и неширокой. Но сейчас после ливня она растеклась и грозно ревела, стреми-

тельно неся мутные потоки, изобилующие водоворотами и бурунами. Переправиться через них было совершенно невозможно!

Не успела Катя сообразить, что можно предпринять в этой ситуации, как из небесной выси донеслась песнь жаворонка. И тут же, словно по мановению волшебной палочки, перед беглянками одним своим краем, будто мостом, ... пала радуга! Солнечные лучи грянули ярче, и под их воздействием разноцветная переливчатая дымка начала уплотняться. Очень скоро она стала напоминать аппетитный гигантский леденец. Девочка, не раздумывая, подбежала вплотную и приложила ладонь к обращенному наружу внешнему красному слою. Оказалось, что на ощупь он был не таким безупречно ровным, как казалось издали. Его поверхность изобиловала множеством неприметных глазу бугорков и впадинок, за которые можно было зацепиться пальцами и ступнями. Катя начала осторожно взбираться кверху.

– Давай быстрее! – окликнула она Ужицу.

Та ухватилась и попыталась двинуться следом. Но не тут-то было. Мощный гладкий хвост со следами влажной земли постоянно соскальзывал и тянул вниз все тело. А поднимать такую тяжесть на одних руках было сверх всяких сил. Ужица предприняла несколько отчаянных попыток, но ни одна из них не увенчалась успехом.

За этими заботами они на время совсем забыли о преследовании. И дружно вздрогнули, когда невдалеке раздался drobный топот. В их направлении, неистово размахивая булавой, скакала разъяренная Яжа. Зрелище было жутким! Мощная, закованная в металл, с пылающим гневным взором она неумолимо надвигалась, разбрызгивая по сторонам ошметки грязи. Точь-в-точь режущий волну сторожевой корабль, мчащийся на перехват врага.

– Спасайся одна! – крикнула распластавшаяся у подножия Ужица и попыталась перегрызть связывающую их веревку.

– Я тебя не брошу! – еще толком не осознавая, что говорит, в искреннем порыве выдохнула Катя.

В этот миг в вышине вновь возник голос жаворонка. Красный глянec тут же выступил поперечным гребнем, который неспешно потек от низа кверху. Ужица ухватилась за него и начала подниматься. Когда она поравнялась с Катей, та проделала то же самое. И так обе счастливые и довольные стали удаляться от земли.

Мчащаяся во весь опор Яжа, видя, что добыча ускользает, вскинула лук и мощно натянула тетиву. Каленая стрела со свистом взрезала воздух, но прошла мимо. За ней – вторая и третья. Поняв, что под таким неудобным углом поразить цель невозможно, взбешенная Ягиня соскочила с коня и изо всей силыхватила по верхнему слою булавой. Радуга слегка дрогнула и отозвалась напевным звуком верхней ноты «до». Однако никаких повреждений не получила. Даже мелких сколов на красной поверхности не образовалось. Выступающие же из набалдашника булавы шипы моментально сплющились. Отбросив бесполезное оружие, Яжа выхватила припасенную секиру. Но результат оказался тем же. Лезвие мгновенно пришло в негодность, а радуга продолжила звонко петь. Чистая ясная тональность, воспарившая над мечущейся внизу воительницей, звучала, как насмешка. Тогда та обратила руки книзу, будто призвала на помощь подземные нечистые силы и пробормотала какое-то заклятье.

Ее рот тут же широко разверзся и обнажил зубы. Верхние клыки начали быстро увеличиваться, пока длиной и остротой не превратились в нечто похожее на косы. Ими-то Ягиня кроважодно и впиалась в поверхность радуги. Та затрепетала, завибрировала и попыталась освободиться от укуса. Но безжалостные темные лезвия проникали все дальше, пока не вонзились до основания.

Богатырка резко отдернула голову, оставив после себя две зияющие глубокие раны. Верхний слой стал блекнуть, истекать на землю и вскоре утратил свою упругость. Ощущение было, как на едва надутом водяном матрасе. Поверхность прогибалась, проминалась и полоскалась обессиленным парусом. Гребень, который возносил беглянок опал, и они заскользили вниз.

Находившаяся у основания воительница победно заколотила себя руками в грудь и разразилась громким криком.

Но когда, как казалось, падение стало неминуемым, на смену предыдущему слою пришел последующий, оранжевый. Он так же налился гребнем и повлек спутниц дальше вверх. Ягиня, алчно урча, теперь припала к нему. На первый удар клыков он ответил сопротивляющимся звучанием ноты «си», но потом тоже стал увядать. Так повторялось несколько раз. За иссякшим оранжевым последовал желтый, потом – зеленый, затем – голубой, за ним – синий. По мере чередования слоев Катя и Ужица продолжали двигаться вперед. Когда они еще только перебрались на слой цвета молодой листвы, начался плавный спуск. Высота была невероятная. Бушующая река давно осталась позади, а кровожадную воительницу вообще не было видно. Лишь только последовательное звучание нот, которыми отзывалась радуга на губительные укусы да смена слоев неумолимо напоминали о ее существовании.

Когда басовитым гулом набатного колокола зазвучало нижнее «до» последнего фиолетового слоя, земля была уже довольно близко. Тем не менее, беглянки понимали, что падение с высоты в десяток саженей могло обернуться серьезными травмами.

«Ну, хоть немножечко еще продержись, хоть чуть-чуть!» – мысленно заклинала его Катя.

Тот, совсем уже обесцветившийся и вялый, как оторванный рукав, вдруг напрягся и резко колыхнулся. От неожиданности спутницы не удержались и полетели куда-то в сторону. Перед тем как зажмуриться от страха Катя краем глаза заметила, что он, желая оберечь, из последних сил направил их точно в центр небольшого, находящегося неподалеку озера. Во время недолгого падения было слышно, как в вышине снова зазвучала радостная песнь жаворонка.

Глава III

Царь Полканов, нападение Ягинь и владения Босоркуна

Обе слету ухнули в бодрящую прохладой воду, взметнув столб переливающихся на солнце брызг. Пока Катя барахталась на глубине, пытаясь всплыть, то почувствовала, как Ужица надежно сжала ее руку и повлекла к поверхности. Вдохнув полной грудью свежий воздух, обе поплыли к берегу.

В то время как девочка, лежа у кромки воды, пыталась перевести дыхание, Ягиня внимательно оглядывалась по сторонам. Там, где они находились, пологий берег был сплошь усеян песком без малейших признаков растительности.

– Давай-ка туда переберемся, – сказала Ужица и кивнула на другую сторону, где закатное солнце теплой ладонью ласково оглаживало густой кустарник и молодые стройные деревца. – Схоронимся, отоспимся, в себя придем.

– А вдруг погоня?! – зябко передернула плечами Катя.

– Не думаю, – ответила собеседница. – Бурный поток еще день не успокоится, перебраться невозможно. Да и радуга, спасибо ей, нас так далеко перекинула, что без следов, которых мы не оставили, вряд ли найдут.

Они поднялись и по влажному песку принялись огиать озеро.

Место для отдыха выбрали в самой глубине кустов, которые, как представлялось, могли надежно скрыть их от посторонних глаз. Укромно устроившись на мягкой траве, они блаженно смежили веки и начали, было, проваливаться в сон, как вдруг с противоположного берега донесся стук копыт. От неожиданности Катя вздрогнула и испуганно взглянула на Ужицу. Та напряженно вслушалась, а потом отрицательно покачала головой и едва слышно шепнула:

– Это – не наши. Поступь коней очень тяжелая, у наших – легче. Но и не Песьеголовцы.

Беглянки затаили дыхание и в ожидании замерли. К звукам поступи коней прибавились негромкие голоса. Каждое слово, стелящееся по водной глади, долетало до кустов четко и ясно.

– Видишь? – спросил голос, который, очевидно, принадлежал юноше.

– Да, – ответил другой, преисполненный достоинства, что выдавало в нем сформировавшегося воина.

– Усоньша?

– Нет. Думаю, Ягиня. Зигзаг очень характерный. К тому же окончательно не вступившая в пору зрелости. След неширокий.

– А следы рядом?

– Подросток. Девочка или невысокий мальчик. Ступня небольшая, и след вмят неглубоко. Значит, весит немного.

– Ягиня его пленила?

Юноша явно волновался.

– Трудно сказать. По крайней мере, ребенок идет сам, не упирается. Его не волокут. Только устал очень, шаги короткие.

– Может, та его слегка укусила, вот он и бредет в полузабытьи?

– Что ж, давай проверим.

– Постой, Китоврас, – снова зазвучал молодой голос. – Разреши, я – сам. Уж одну-то Ягиню да одолею. Тем более, не матерую.

– Ну-ну, попробуй, – в голосе старшего послышалась отеческая усмешка. – Только не зарывайся, Гнедко. Глаза береги. Попадет ядовитой струей, лечить долго придется. И смотри, чтобы ребенок не навредить. Если что, я рядом буду.

Возникла частая дробь копыт, один из всадников пошел наметом. Второй же продолжал двигаться размеренным шагом. Первый скоро приблизился к кустам и остановился в нескольких шагах. Но на слух точно определить место было трудно. Его конь замер, как вкопанный, даже не переступал ногами. И уж тем более не всхрапывал.

Над кустами нависла тревожная тишина.

Вдруг плотная листва бесшумно разошлась, и из нее выскользнул остро отточенный наконец сулицы, короткого копыя. И на миг застыл, выцеливая противника. Ягиня мгновенно подобралась. Ее глаза недобро сузились, а из горла раздалось низкое урчание, как у приходящей в ярость кошки. В последний момент она с досадой скользнула взглядом по веревке. Эх, не позволит ей та свободно двигаться и биться! Раньше надо было перекусывать, сейчас уж недосуг!

– Пойдите, пойдите! Не надо! – громко закричала Катя. – Мы – не враги! Мы из плена спасаемся!

Сулица, будто раздумывая, немного поколыхалась, а потом неспешно убралась назад. Вместо нее над кустами возник молодой воин. Он, несмотря на то, что держался настороженно, очевидно, опасаясь подвоха, был спокоен. В его ясных голубых глазах не было враждебности или ненависти. Они смотрели на спутниц изучающе и с вниманием. Открытое лицо с правильными чертами обрамляла небольшая светлая борода. С головы на широкие плечи ниспадали длинные русые волосы, прихваченные на лбу причудливо скрученной бичевой. Крепкий юношеский торс был надежно прикрыт панцирем из толстой кожи. Мускулистые же руки оставались обнаженными. Выглядел он настоящим гигантом, ростом куда как выше обычного человека.

Катя, прикинув на взгляд пропорции его тела, которые изучала в художественной школе, мысленно удивилась.

«Ух, ты! – подумала она. – Это ж, какие у него ножищи-то длинные должны быть!».

Но пока рассмотреть их девочке не представлялось возможным, поскольку нижнюю часть его тела скрывала листва высокого кустарника.

В это время послышалась неспешная поступь копыт, вслед за которой раздался голос:

– Эй, Гнедко! И что там у тебя за тишина такая? Ни звона оружия, ни яростных криков не слышать. Невидаль какую обнаружил?

– А вот сам посмотри, – не оборачиваясь, ответил тот.

Рядом тут же появился воин, во всем схожий с первым. Только старше и мощнее. На его лбу вместо шнурка сиял золотой обруч. А отдающие зеленоватым в легких морщинках мудрые глаза светились доброй усмешкой. Заметив ее, юноша понурился и насуплено проговорил:

– Ты знал заранее, что ничего не случится. Поэтому и отпустил одного. А сам нарочно приотстал.

– Не обижайся, – ответил другой. – Я для твоей же пользы это сделал. Вот ты не знал, что тебе предстоит. Поэтому внимательно считывал следы. Размышлял, с какой стороны подкрасться, как бесшумно возникнуть, быть готовым первым нанести удар. Только так приобретается опыт, на который порой уходит жизнь. И чем его больше, тем безопаснее для самого и близких.

Затем он окинул внимательным взглядом спутниц и обратился к Кате:

– Как ты себя чувствуешь, дитя? Не обижает ли кто?

– Нет, все хорошо, – в ответ улыбнулась та.

– А веревка, не мешает ли? – сощурился воин.

– Мешает, очень даже мешает! – искренне отреагировала девочка. – Только мы с Ужицей распутаться не успели, пока из плена бежали.

Тот удивленно вскинул брови, точно пытался что-то осмыслить, а потом, кивнув на Ягиню, сказал:

– Так, значит, ее Ужица зовут. А тебя как?

– Меня – Катя.

– Что ж, тогда давайте знакомиться. Я – Китоврас, царь Полканов. Это – мой племянник Гнедко, сын любимого брата. Вот он вам сейчас и поможет от пут освободиться.

Молодой воин с готовностью извлек поясной нож и собрался, было, приблизиться к путникам, как Китоврас жестом остановил его.

– А если она струю выпустит? – спросил он. – Проверить не хочешь?

Гнедко явно смутился. Он зарделся и принялся шевелить губами, стараясь подобрать подходящие слова. Ужица подняла на него чуть раскосые янтарно-желтые глаза в обрамлении длинных густых ресниц под ровными полудугами тонких бровей и тихо сказала:

– Дядя правильно тебя остановил. Тебе это тоже нужно запомнить. Для опыта. Не знаешь, как попросить меня? Не беспокойся, я сама покажу.

И, слегка раздвинув четко очерченные губы, обнажила ровный ряд зубов.

– Ну, вот, – произнес Китоврас, – смотри. Клыки не увеличены. Значит, яд в них заранее не накапливала, атаковать не собиралась.

Говорил он это обыденным тоном, каким, как правило, общаются врачи стоматологи, проводящие профилактический осмотр школьников.

– Он у меня вообще не вырабатывается, – сказала Ужица.

– Да ну! – удивленно вскинул брови Китоврас. – Сам бы не убедился, ни в жизнь не поверил! – и, обратившись к племяннику, добавил:

– Вот теперь освобождай.

Гнедко сделал шаг вперед, и Катя застыла от изумления.

– Ничего себе! Кентавры! – невольно вырвалось у нее.

– Нет, девонька, – рассмеялся Китоврас. – Мы – Полканы, полукони, значит. А эллинские Кентавры от нас пошли. В стародавние времена часть народа отправилась новые земли осваивать. Добралась до Адриатики, которая приглянулась. Там и осела. По слухам, что изредка доходят, достойные нашего племени подвиги совершают. Ну, да ладно. Отправляться пора.

Полканы преклонили передние колена, чтобы беглянкам было удобнее взобраться. Ужица разместилась на спине Китовраса, Катя – на спине Гнедко. Те пошли неторопливой рысью, держась бок о бок. В пути молодой воин время от времени чуть поворачивал голову и украдкой поглядывал на юную Ягину. При этом его щеки тут же заливались густым румянцем. Ужица, которая усиленно делала вид, что смотрит только вперед, всякий раз застенчиво опускала глаза и тоже краснела.

Пока ехали, Катя поведала о случившемся: о Песьеголовцах, Ягинях, побеге и песне жаворонка.

– Хорошая птица – жаворонок, – согласно закивал Китоврас. – Он – посланник Всеvyšнего. Всегда добрую весть приносит. То о наступающем лете, то о приближающемся благодатном дожде. То просто радость в души вселяет, делает их чище. Вам вот спасительную радугу напел.

За разговорами Катя и не заметила, как постепенно стусились сумерки. Их плотный покров стер мелкие детали окружающего, оставив лишь трепетную грань между бескрайней ровной местностью, оживленной невысокими холмами, и густо усеянным звездами небом. Вскоре впереди показались трепещущие оранжевые всполохи, как от разведенных костров. И действительно, лишь только они обогнули подножие очередного холма, как их взорам предстала обширная площадка, похожая на становище или боевой лагерь.

Всюду, насколько хватало глаз, стояли стройные ряды каких-то легких сооружений, походивших на военные палатки. Только их каркасы, возведенные из связанных между собой жердей, были покрыты не привычным для нас брезентом, а плотно сплетенными из травы широкими лентами, напоминавшими циновки. Строения были довольно высокими. Пожалуй, в

каждое из них мог свободно въехать всадник. Кругом тут и там горели костры, выхватывая из темноты фигуры десятков вооруженных Полканов.

Как только путники приблизились, от толпы отделился силуэт и поспешно двинулся в их сторону. Пылающие за его спиной огни не позволяли разглядеть лицо. Но когда он заговорил, в голосе зазвучало явное беспокойство:

– Что же так долго, брат?! Я уж дозоры собрался отправить на ваши поиски! Или беда какая стряслась?!

– Нет, нет, все в порядке, не волнуйся, Каур, – ответил тот. – Раньше бы вернулись. Да чудо чудное в дороге узрели: радугу, которая таяла слой за слоем. Вот и свернули, чтобы подивиться. Потом следы странные на берегу озера распутывали. Затем беседы вели. День и закончился. Зато гостей привезли. Прошу любить и жаловать.

Каур склонил голову в приветствии и снова обратился к брату:

– Ты хоть и царь, и сам волен повелевать, но не взыщи. Больше вас без пригляда никуда не отпущу. Вон сколько лихих людей по степи бродит. Не ровен час приключится что!

– Да полно тебе, – рассмеялся Китоврас. – Неужели ты думаешь, что с приближением опасности на рожон, как мальчишка, полезу? Народ без царя и без наследника оставлю?! Нет, брат, риски слишком велики! Наступлю на собственную гордыню и в стан помчусь! Верить?!

– Ты кому сказки-то рассказываешь? – проворчал начавший успокаиваться Каур. – А то я тебя не знаю. Ты хоть раз врагу спину показывал? Вот то-то. Племянника точно восвоиши отправишь, чтобы уберечь. А сам его отход до последнего грудью прикрывать будешь. Хотя тот, думаю, ни на шаг не отступит, потому что наша кровь в нем течет. Так что, как не крути, везде – моя правда. Больше одни ни-ни!

– Ну, хорошо, хорошо, согласен, – примирительно сказал Китоврас.

Потом обнял Каура за плечо и промолвил:

– Пойдем лучше вечерять. Есть хочется, страсть. С утра маковой росинки во рту не было.

– Так все давно готово! – оживился тот. – Милости прошу! – и гостеприимно повел рукой в сторону одной из палаток, стоящих в центре лагеря.

Своим скромным убранством она ничем не отличалась от остальных, лишь только размерами: была значительно просторнее. Внутри стояли столы под стать росту Полканов, так что до края Катя могла бы едва дотянуться. Тут появились два воина и внесли высокую лавку, на которую гости и взобралась. Удобно усевшись, девочка невольно рассмеялась. И, уловив на себе вопросительный взгляд Китовраса, пояснила:

– Как в раннем детстве у бабушки во дворе, когда совсем маленькая была. Сидишь на лавочке, шуришься на солнце и ногами в восторге болтаешь. Красота!

– Хорошая пора, детство! – в ответ улыбнулся хозяин. – Забот никаких, одни радости! Все тебя любят, балуют! Действительно, красота!

И его глаза тут же засияли счастливым блеском, а лицо просветлело.

– Ну, угощайтесь, – радушно предложил он.

Принялись трапезничать. Столы изобиловали свежесдобитыми духовитыми караваями, тушеными грибами, всяческих видов кашами с многочисленными соусами и подливками из меда и лесных ягод.

– Не взыщи, – сказал Китоврас, – у нас все по-простому.

– Нет, нет, очень вкусно, – возразила Катя. – А насчет простоты я уже поняла. У вас, вон, даже царский дворец ничем от остальных жилищ не отличается. Это – хорошо.

– Нам роскошь ни к чему, – подтвердил хозяин. – Мы – народ кочевой, на одном месте долго не засиживаемся. Просторы необъятные да воздух свежий сердцу милее всего. А это так, – он обвел взглядом помещение, – себя побаловать, от непогоды укрыться.

Когда немного утолили голод, Китоврас, обратившись к Кате, спросил:

– Вот смотри на тебя и в толк никак не возьму: ты зачем в чистом поле-то оказалась?

– Мне поручили течение одно найти, которое журчит по-особенному, – ответила та.

Царь с вниманием прищурился на девочку, а потом задумчиво вымолвил:

– Кажется, догадываюсь, о чем речь идет... Да неужто никого другого не нашлось для такого дела важного?

Катя пожала плечами и ответила:

– Сказали, что только у меня получится это расслышать. Да я уже на нужном берегу была, когда меня Песьеголовцы похитили. Сначала они непонятно где возили, потом Ягини. А так бы давно, думаю, до места добралась.

– Да-а, – протянул царь, – теперь ту реку искать, каждый уголок прочесывая, как иголку, в стоге сена. Здесь, действительно, сердцем прислушиваться надо. Быстрее выйдет.

И тут же оживился.

– Вот что, – сказал он. – Тут недалеко горы лежат. В них площадка есть удобная. Надо на нее взобраться и послушать внимательно. Кругом воздух чистейший, тишина необыкновенная. Глядишь, и расслышишь, с какой стороны нужное журчание доносится. Там, правда, Босоркун пошаливает. Но мы с тобой воинов отрядим. И к месту доставят, и поганца в случае чего приструнят. Ну, что, решили?

Катя радостно кивнула.

– Тогда давай спать укладываться. День у тебя сегодня, как понимаю, тяжелый выдался, – заключил хозяин. – А поутру и двинешься.

Девочка ловко соскочила вниз, поблагодарила за угощение и отправилась в дальний угол к укромному местечку, которое выгородили развешанными циновками. Тут ей на глаза попался Гнедко. Уставший после долгого перехода юноша уже крепко спал. Он стоял, изредка перебирая копытами, с руками, скрещенными на груди и склоненной головой. Из-за его спины торчали два меча, лук и колчан со стрелами. Полканы, наверное, не расставались с оружием даже ночью.

Уютная спальенка была выстлана пышным ковром из свежих трав. Воздух стоял настолько благоухающий и целебный, что Катя, едва улегшись, провалилась в сон. Рядом из-за такой же тонкой перегородки доносилось ровное дыхание Ужицы.

Ближе к утру девочке почудились тихие настороженные шаги и едва слышный шепот. Потом коротко пахнуло прохладой, будто кто-то приоткрыл и тут же задернул уличный полог. Катя повернулась на бок и решила продолжить спать, как вдруг ее поразила некая догадка. Любопытство было так велико, что она поднялась и на цыпочках аккуратно выбралась наружу.

Кругом растекался туман, верхняя кромка которого чуть золотилась невидимыми пока лучами собравшегося вставать солнца. Девочка остановилась и прислушалась. Сначала показалось, что кругом стоит полная тишина. Но нет. Из-за холма, находящегося за палатками, вроде бы что-то послышалось. Катя двинулась в том направлении, миновала лагерь, а потом стала подниматься по пологому склону вверх.

«Странно, – размышляла она, – что так свободно вышла. Даже стража не окликнула. Может, ее совсем и не выставляли, если ни с кем сейчас не враждуют и никого не опасаются?».

Чем выше она взбиралась, тем явственнее становились звуки: негромкий дробный топот и приглушенный залиvistый смех. Достигнув вершины, девочка присела на корточки и осторожно глянула вниз. Недалеко впереди в ставшей уже прозрачной дымке легко и стремительно скользили два силуэта, будто играли в салки. Один убегал, другой стремился догнать. Когда он, казалось, вот-вот дотронется, первый, гибкий и грациозный, делал резкий вираж и уходил от преследования. Догонявший тормозил всеми четырьмя ногами, кренился на бок, стараясь удержать равновесие, и снова пускался вскачь.

Катя залюбовалась представшим зрелищем. Как же они подходили друг другу! Молодые, сильные, счастливые. Наконец, Ужица уступила. Сделала вид, что ошиблась. И Гнедко мгновенно заключил ее в свои объятия. Та доверчиво прильнула к его вздымающейся груди

и обвила шею трепетными руками. Так они, замерев, стояли, окутанные золотисто-розовой пеленой. Вдруг совсем близко от слившихся тел она тревожно завибрировала, дрогнула и расступилась под напором темного бесшумного потока. Не успела девочка сообразить, что это, как Ужица отпрянула от Гнедко, ловко выхватила из-за его спины один из мечей и с громким криком бросилась в ту сторону.

– Стой, стой, не надо! – в отчаянии воззвал юноша, устремившийся во весь опор следом. – Я не хочу тебя потерять!

Но юная воительница с мелькающим, как молния, мечом была уже в самой гуще накатывающей стремнины. Через миг к ней присоединился и он. Возлюбленные, стоя плечом к плечу, мужественно встретили натиск неприятеля, не допуская его прорыв внутрь лагеря.

Изначально поднятого шума и этой небольшой паузы было достаточно, чтобы становище пробудилось. Полканы уже выметнулись из своих укрытий, сходу осыпали врага тучей стрел и вступили в бой.

«Ягини!!! Откуда они здесь?!» – в ужасе подумала Катя.

Но размышлять, как они переправились через бурную реку, за кем явились, как обнаружили следы, времени не было. Ясно было только одно. Богатырки предусмотрительно оставили своих коней за дальними холмами, чтобы подкрасться с бесшумным коварством и неожиданно напасть.

Надо было срочно уходить, другого выбора не оставалось. Девочка бросила прощальный взгляд на гостеприимный лагерь, проворно спустилась по противоположному склону холма и побежала. Впереди высились горы, к которым она и устремилась. Некоторое время за спиной еще слышался звон оружия, призывные крики, проклятия и стоны раненых. Но со временем они, поглощенные оставленными позади холмами, постепенно стихли.

Несколько раз Катя вздрагивала, тревожно оглядывалась, но потом облегченно вздыхала – погони вроде бы не было. Иногда, чтобы восстановить силы, она переходила на шаг. Если бы не учащенное, с шумом рвущееся дыхание, в эти мгновения можно было подумать, что она просто гуляет. Так кругом было красиво и тихо. Невысокие редкие холмы утопали основаниями в ковре ярких полевых цветов. Бескрайнее небо оживлялось взбитыми сливками небольших облачков. А горы живописно выделялись на голубом фоне цветом золотистой охры и были уже совсем рядом. Девочка стала всматриваться в отроги, стараясь различить площадку, о которой ей говорил Китоврас и через некоторое время, как показалось, обнаружила то, что искала.

Лишь только она начала взбираться, как сзади послышался дробный перебор копыт. Катя инстинктивно присела, укрылась за валуном и принялась вслушиваться.

«Топот тяжелый, на легких коней Ягинь не похоже, – размышляла она. – Может, битва уже благополучно закончилась, и Полканы отправились меня искать? А что? Вполне».

Она поднялась из-за камня.

И тут же в глаза бросились знакомые взлохмаченные головы!

Мимо подножия на рысях шла конная группа. Скакавший во главе всадник показался девочке знакомым. Да, это был действительно Клык. Наверное, ему доверили возглавить разезд вместо повредившего глаза жоака. Его левый рукав около плеча украшал витой шнур красного цвета, отличительный знак полученного боевого ранения. Он с важным прищуром во взгляде поглядывал из стороны в сторону. Не успела Катя юркнуть в укрытие, как тот заметил ее.

– Змейка, змейка! Лови ее, лови! – заполошно возопил Клык.

Повинуясь команде, остальные спешили и принялись карабкаться вверх. Девочка, собрав все силы, оставшиеся от долгого бега, бросилась наутек.

– Поздравляю! – прерывающимся от натуги голосом обратился один из воинов к Клыку. – С такой добычей князь непременно еще повысит!

– А то! – гордо прозвучало в ответ. – Я – везучий! – и Клык прибавил ходу.

Но как ни старались дюжие молодцы, преимущество было не на их стороне. Мелкие камешки, которыми было усыпано все вокруг, под тяжестью обремененных доспехами тел осыпались и тянули преследователей за собой вниз. Порой их ноги увязали и проскальзывали, как если бы они двигались по размокшей глине. Видя тщетность своих попыток, обливающийся потом Клык остановился и, тяжело дыша, сипло прокричал:

– А ну, стой! Стой, тебе говорят! Не то хуже будет! Сейчас стрелу пушу!

Катя метнулась за очередной камень и судорожно подумала:

«И, правда, у этих ума хватит! Сейчас будут держать под прицелом, чтобы не шелохнулась, а сами потихоньку подберутся и опять скрутят. Что ж делать-то?!».

Отчаянное положение придало ей решительности. Она выглянула и набросилась на Клыка:

– Вы чего ко мне привязались?! Делать больше нечего?! Какая я вам змейка?! У меня, вон, не хвост, а ноги! – и демонстративно выставила одну из них.

Клык наморщил лоб и с удивлением воззрился на ногу. Наверное, в пылу погони до него не дошла такая неожиданная перемена в той, кого он принимал за Усонышу. Поразмыслив некоторое время, он рыкнул:

– Все равно спускайся! Вот доедем до князя, он и решит, что с тобой дальше делать!

– Ничего со мной решать не надо! – в запале выкрикнула Катя. – У меня других забот хватает! Не до поездок мне и не до князя вашего!

Судя по моментально распахнувшимся в священном трепете ртам, такого оскорбительного отношения к сиятельной особе воины не ожидали.

– Ах, вон ты как!!! – взревел Клык и, ткнув пальцем в одного из подчиненных,скомандовал:

– Ты – лук наизготовку! Остальные – за мной!

И они с удвоенной силой ринулись в направлении девочки.

Но не успели преследователи сделать и дюжины шагов, как сверху на них обрушился мощный вихревой поток, до краев наполненный пылью и мелкими острыми камешками. К тому же он был горячий, как в раскаленной парной. Песьеголовцев мигом сдуло вниз. Пока они ошарашенные от неожиданности отплевывались и протирали запорошенные глаза, откуда-то из-за Катиной спины раздался скрипучий, будто высушенный голос:

– Совсем страх потеряли, окаянные?! В чужих владениях промышлять вздумали?! Все, что в горах – мое! Ну-ка, марш отсюда, пока не изжарил!

Клык, едва шевеля трясущимися от страха губами, чуть слышно пролепетал:

– Бо-сор-кун ...

И тут же, осмыслив сказанное, подскочил, как ужаленный, и опрометью ринулся к подножию, увлекая за собой остальных.

– Босоркун! Босоркун! Спасайся, кто может! – истошно вопил он.

От этих нестерпимых криков кони шарахнулись и помчались в степь, не дожидаясь седоков. За ними следом, ничем не уступая в скорости, неслись насмерть перепуганные Песьеголовцы.

Катя чуть втянула голову в плечи и сокрушенно подумала:

«Вот этого мне сейчас только не хватало! Что ж так не везет-то?!».

– Чего съезжилась? Холодно, что ль? – с насмешкой спросил тот же голос.

Катя обернулась. Несколько выше на склоне стоял высокий и худой, как жердь, старик в выцветших дырявых одеждах. Тот, которого она уже видела перед побегом. Одно из длинных крыльев за его спиной было упруго расправлено. Наверное, именно им он и взмахнул, разом сдув Катиных преследователей. Другое же бессильно повисло и волочилось по земле. В его середине зияла воспаленная рана, оставленная стрелой Ягинь.

- Что молчишь? Тепла, спрашиваю, прибавить? – с легкой издевкой произнес он.
- Не надо, – отрицательно замотала головой девочка. – И без того жара несусветная.
- А что тогда надо? – снова последовал вопрос.
- Ничего не надо, – ответила Катя.
- Как это ничего? – удивился старик. – Всякому всегда что-нибудь да нужно. В этом и есть смысл жизни. А тут, на тебе, ничего. Совсем?
- Ну-у, не совсем, – протянула Катя. – Мне на площадку надо попасть, во-он на ту.
- А зачем?
- Ну, просто надо и все.
- Босоркун нахмурился и недовольным тоном произнес:
- Ты давай не хитри, не увиливай. Без моего позволения вообще шагу не сделаешь. Ясно? Девочка обескуражено молчала. Говорить или не говорить? Не сказать, никуда не пустит. Сказать, значит тайну раскрыть. А он вдруг возьмет и сведничает. Тогда еще хуже получится. Но делать нечего, она решила сказать. Была, не была!
- Мне там надо постоять немного, звуки послушать.
- Это, какие такие звуки? – подозрительно сощурился старик. – Здесь все звуки – мои. Что это ты взялась чужие звуки слушать?
- «Вот ведь неугомонный какой, – сокрушенно подумала Катя. – Натерпелся, наверное, тут в одиночестве. Теперь вопросами замучает».
- Но другого выхода не было: сказала «а», говори «б». И она пояснила:
- Мне журчание одно распознать нужно.
- Журчание?! – Босоркун аж затрясся. – Воды?!!
- И тут же ощерил длинные желтые зубы, как рвущийся с цепи пес.
- Я понял! – грозно прокричал он. – Тебя подослали, чтобы меня известить! Все, тебе конец!
- Да вы тут сговорились, что ли?! – выпалила в ответ девочка. – То Ягини, к которым в плен попала, шпионкой обозвали! Теперь вы еще!
- Ты у Ягинь в плену была?! – выпучил глаза старик. – Они тебе враги, что ли?!
- Ну, не друзья, во всяком случае, – хмуро произнесла Катя. – Муравьям меня хотели скормить.
- Это меняет дело, – несколько успокоившись, промолвил Босоркун. – Рассказывай.
- «Правда, оказывается, что общая беда спланирует», – хмыкнула про себя девочка.
- И продолжила:
- Никакой водой, которую вы так боитесь, я вас изводить не собираюсь. Мне просто послушать надо и дальше идти. Только не спрашивайте, зачем. А то это до бесконечности длиться будет. Пожалуйста.
- Босоркун молчал и подозрительно косился на Катю. Было видно, что его гложут какие-то сомнения. Наконец, он негромко пробормотал:
- Сама и впрямь не Ягиня. Значит, змеиного коварства у нее нет. Да и мала слишком, чтобы так хитрить изощренно. Что тогда?
- Это вы о чем? – искренне поинтересовалась девочка.
- О речах твоих прельстительных, – все еще с прищуром во взгляде сказал Босоркун. – Сколько на свете живу, никто уважительно на «вы» не называл, «пожалуйста» не говорил. Все только кланут.
- Ничего удивительного тут нет, – улыбнулась Катя. – Вы своим жаром дождевые тучи отгоняете, посева губите. Вот и ругают. А мне вы пока ничего плохого не сделали. Даже наоборот, Песьеголовцев прогнали. За что же я вам грубить буду?
- Старик задумчиво крикнул, бережно расправил раненое крыло и сел.

– У меня детство было очень тяжелое. Жили в нищете, впроголодь. Не только мы, все соседи. Выйдешь, бывало, из лачуги, под ложечкой страсть, как сосет. А глянешь вверх, птицы над головой парят. Сразу так хорошо становилось, даже про голод забывал. Вот и появилась у меня мечта заветная, летать научиться. Чтобы в поднебесье парить, людей радовать. Мечтал, мечтал, крылья и выросли. Когда о чем-то бескорыстно мечтаешь, то обязательно сбывается. Ах, с каким упоением я тогда летать начал! Но недолго. Однажды неожиданно туча грозовая налетела, крылья разом насквозь промочила. Будто кто-то нарочно ее насрал, чтобы мечту мою сгубить, других радовать. Ну, и низвергся. Вот здесь как раз, в горах этих. Сколько весь переломанный пролежал, даже не помню. Без пищи, без воды. Аж высох. Но ничего, выжил. Так тут и остался. Только вот страх жуткий перед водой, дождем превозмочь не смог. До сих пор внутри холодеет от одной мысли о влаге. Поэтому сейчас, лишь кости ломить начинает, знаю, дождь надвигается. Срываюсь с места и мчусь его прочь отгонять. А люди не понимают, что лишь себя уберечь стараюсь. Гадости выкрикивают, камнями, палками кидают, всякие ужасы про меня рассказывают. Вот эти, так вообще додумались, стрелой угодили. Болит страшно. Теперь, думаю, летать больше не смогу, потому что рана не заживает, только хуже становится.

Катя подошла и внимательно осмотрела поврежденное место. Оно было сильно воспалено, от осевшей на нем пыли по краям начало выступать нагноение. Хорошо, что кость была не задета, только мягкие ткани.

– Вам бы рану обработать надо, – со знанием дела сказала девочка. – А потом чем-нибудь прикрыть, чтобы грязь не попадала. Все и пройдет.

– Обработать, это как? – не понял старик.

– Водой чистой, по крайней мере, промыть. Перекиси водорода и стрептоцида у вас, думаю, не найдется.

– Во-до-ой?! – затрясся побледневший Босоркун.

– Да не дрожите вы так, – успокаивающе произнесла Катя. – Как ребенок, честное слово. В детстве, вон, и умывались, и в реке плескались, ничего же страшного не произошло. Даже крылья потом выросли. Вода-то у вас где-нибудь здесь есть?

При упоминании о воде старик снова задрожал, а его учащенное дыхание стало вырываться с шумом. Однако желание излечить крыло было, наверное, сильнее страха, потому что, наконец, он еле слышно прошептал:

– Вот тут в расселинке ключ опять кипеть начал. Они здесь то и дело пробиваются. Раньше пролетишь, обдашь жаром, они вмиг испаряются. А сейчас никак подобраться не могу, щель узкая очень, крыльями не втискиваюсь. Пойди, глянь.

Катя отошла в указанном направлении и невдалеке между двумя отвесными стенами, действительно, обнаружила источник. Он был маленький, совсем еще молоденький, но своими упругими струйками уже пытался kloкотать, как настоящий вошедший в силу родник. Кое-как протиснувшись внутрь, девочка погрузила руки в холодную воду, зачерпнула и двинулась обратно. Но как она ни старалась сжимать ладошки, по ее возвращению вода вытекла вся без остатка. Набравшись терпения, она вернулась и предприняла вторую попытку. Затем третью. Результат был тот же.

– Слушайте, – обратилась она к старику, – может, вы все-таки сюда подойдете? А то мы так до окончания века не управимся.

Тот сгорбился от напряжения и, пятясь задом, мелкими шажками двинулся к щели, где и уселся, напоминая взъерошенного воробья. Назад старался не смотреть. Катя начала аккуратно кропить водой рану. То ли влага из подземных глубин и впрямь была чудодейственная, то ли по какой другой причине, но только она с легким шипением зашла нарзанной пеной и принялась промывать саднящее отверстие.

Девочка проворно развернулась и снова побежала к источнику. С каждым разом рана все больше бледнела и затягивалась.

– Ты долго еще там бегать будешь?! – в отчаянии выкрикнул Босоркун. – Хватит томить! Начинай уже! Сил больше нет ждать!

Катя весело рассмеялась:

– Да я уже все закончила!

– Как это?! – вытаращил глаза старик.

– А вот сами убедитесь! – радостно сказала девочка.

Босоркун стал медленно поворачивать голову, будто боялся увидеть за спиной нечто ужасное. Когда его взгляд упал на распростертое поврежденное крыло, мышцы невольно сократились, и оно плавно поднялось вверх.

– Не болит! – выпалил старик.

Он повел им еще раз и еще. Крыло послушно двигалось, полностью повинаясь его воле.

– Не болит!!! – закричал Босоркун, что было сил.

Эхо с готовностью подхватило этот полный восторга вопль. Оно заметалось между склонами, радостно стучась в каждый и не пропуская ни единого. Пусть знают все: больше не болит!

– Уф! – испустил старик вздох облегчения. – Вот уж не думал, что так обернется!

И взглянул на Катю повеселевшими глазами.

– Проси, что хочешь!

– Да я уже просила, – ответила та. – Мне бы журчание послушать. Вон оттуда, – и указала на выступ.

– Там ты только половину звуков услышишь, – покачал головой Босоркун. – А другую горы скрывают. Давай вот как сделаем. Садись ко мне на закорки. Я взлечу и застыну в плавном парении, чтобы взмахи крыльев не мешали. А ты и послушаешь.

– Давайте! – обрадовалась девочка.

Она взобралась и крепко обхватила старика за шею. Его спина была костлявая и узкая, точно на метле сидишь. Того и гляди переломится. Но впечатление о ее крепости оказалось обманчивым. Босоркун сделал несколько мощных прыжков в сторону обрыва, оттолкнулся от края, расправил крылья, и они полетели. В момент отрыва у Кати даже дух перехватило, боялась, вдруг поврежденное крыло слушаться не будет! Но нет, ничего. Старик уверенно набирал высоту, пока, наконец, не замер. Под ними открылся необъятный простор. Верхового ветра не было, поэтому казалось, что они зависли в одной точке. Царящие вокруг воздушные потоки текли медленно и бесшумно. Так что ничего не мешало девочке вслушиваться. Босоркун неспешно поворачивался из стороны в сторону, давая возможность уловить все восходящие с земли звуки. Их было множество. И птичье пение, и шелест листья, и шепот трав. Даже муравьиная поступь и та долетала. Только нужного все не было и не было. Катя уже, было, совсем отчаялась и хотела прекратить эту бесполезную затею, как ... донеслось! Негромко и чуть уловимо, но донеслось. Из-за леса, что простирался впереди справа. Сомнений не было. Звучало то же переливчатое журчание, которое она слышала прежде.

– Вон там! – крикнула девочка и указала рукой.

– Запомни направление! – ответил старик и начал снижаться.

Когда спустились, Катя растерянно спросила:

– Ой, а разве вы меня через лес не перенесете?

Босоркун смутился, потом вздохнул и сказал:

– Честно сказать, боюсь. Вдруг засушливые вихри из меня опять ненароком выплеснутся. Неладно будет, если лес погублю. Я теперь твердо решил, ничего больше палить не буду, просто так летать стану. Только время нужно, чтобы к этому привыкнуть и жар внутри себя окончательно усмирить. Так что не взъщи.

– Да нет, не переживайте! – воскликнула девочка. – Это вы славно придумали! А дождь и в пещере переждать можно и не отгонять его. Вы когда обвыкнете, к людям возвращайтесь.

Пусть, глядя на вас, они верят, что любая мечта осуществима. Что даже те, кого изо всех сил пытаются заставить ползать, взлететь могут. Это сил им прибавит и радости.

Старик смотрел на нее потеплевшим взглядом и согласно кивал. А потом промолвил:

– Ты через лес без опаски иди. Он тихий. Я в нем хищников ни разу не видел.

Катя поблагодарила, развернулась и двинулась вперед. Босоркун, не торопясь улетать, стоял и прощально махал ей вслед.

Глава IV

Опустевший лес, одинокая избушка и путеводный клубок

Остаток пути по полю от того места, где они расстались со стариком девочка преодолела довольно скоро. Еще несколько шагов, и она вошла в лес. Был он самый обыкновенный: ни редкий и ни густой. Где-то листва укрывала землю прозрачной тенью, где-то в разрывах пробивался щедрый солнечный свет. Нетолстые стволы росших там и сям деревьев позволяли просматривать окружающее пространство далеко вперед. Поэтому идти было не страшно. Да и не трудно: невысокий травяной ковер стелился ровно во все стороны без рытвин, ухабов и оврагов. Даже валежины поперек пути не попадались. Шагать по такому лесу было сплошное удовольствие.

Катя шла, машинально поглядывала под ноги, вправо, влево и думала лишь об одном. О том, как еще до заката минует лес и выйдет к долгожданной реке. Потом поднимется вверх по течению и все.

Через некоторое время она почувствовала, что проголодалась.

«Та-ак, – прикинула девочка, – ну и чем здесь можно подкрепиться?».

Она остановилась и принялась осматриваться. Вот кустики земляники, вон – костяника. Чуть дальше – заросли ежевики и лесной малины. Только ... почему-то голые, без ягод! Даже ни одной невызревшей видно не было.

«Это кто же все обчистил-то?! – удивилась Катя. – Ничего не вытоптано, следов – никаких. Птицы, что ли?».

И только сейчас до нее дошло, что вокруг стоит полная тишина. Если бы не дневной свет, можно было сказать, что она, эта тишина, абсолютно мертвая. Какая-то настораживающая даже. На всем протяжении пути ни одна птица не прошебетала, не вспорхнула крыльями. Да и веселая суета, привычная для лесной жизни полностью отсутствовала. Ни бабочки в догонялки не играли, ни стрекозы прозрачными крылышками не перемигивались. А про пчел и шмелей с их мелодичным гулом вообще говорить не приходилось: будто и не было их никогда на белом свете. Даже паутина, которая в обычном лесу попадает сплошь и рядом, нигде не встретилась. Значит, ловить ею было некого – кругом ни мошек, ни комаров, ни мух.

Вдруг у самых ее ног резко качнулась высокая травинка. В окружающей замершей тиши это было так неожиданно, что Катя ойкнула и отпрыгнула назад. На зеленом кончике покачивался маленький кузнечик. Он так растерянно пучил глаза и шевелил усиками, будто был не в состоянии понять, куда направляться дальше. Следом произошло совсем уж невероятное. Вместо того чтобы, как водится, перелететь, он ползком стал пятиться вниз. А достигнув земли, крадучись, то и дело, прячась за стебельками, поспешил в ту сторону, откуда только что пришла девочка, к лесной опушке. Затем вздрогнул и, словно загипнотизированный, понуро поплелся в противоположную.

«Как-то это не очень хорошо становится, – зябко поежилась Катя. – Ягоды не растут, птицы не поют, кузнечики ошарашено бродят. И что теперь делать?».

Действительно, что? Возвращаться и лес стороной обходить – зряшное дело, времени уйдет уйма. А прямо идти боязно. Неужели Босоркун обманул? Да нет, не похоже. Он с высоты крупных зверей не увидел, об этом и сказал. А на такую мелочь, как жучки и паучки в своих вихревых потоках и вовсе внимания не обратил.

Сколько бы она еще стояла и продолжала пребывать в сомнениях, неизвестно. Но только четко впереди вдруг раздался переливчатый звук, напоминающий знакомое журчание. Вроде

и не совсем то, которое слышалось раньше, но очень похожее. Может, толща деревьев его немного исказила? Но не проверить было нельзя, и девочка решительно двинулась дальше.

Чем больше она углублялась в лес, тем сильнее становилось чувство, что за ней кто-то наблюдает. Пристально и неотвратимо. Некто невидимый и могущественный. Как показалось, в окружающем воздухе даже некая вибрация, передающая его настроение, возникла. Озлобленность, не озлобленность. Ненависть, не ненависть. Скорее, раздражение, которое неуклонно росло по мере ее продвижения вперед. Ощущение было абсолютно неприятное. Но Катя, мужественно сжав зубы, продолжала идти.

Неожиданно путь ей перегородило огромное поваленное дерево. Девочка невольно насторожилась. Оно было первое за все это время! Толстый ствол был покрыт обильными наплывами мхов и лишайников. А на месте излома у корня он выглядел трухлявым, как старая ноздреватая губка. Обойти же его было совершенно невозможно. Лишь только Катя попыталась сделать шаг в сторону, как по краям валежины тут же начал возникать колючий непроходимый кустарник. Ничего другого не оставалось. Она вздохнула и стала перелезать.

Фу! Ладони и нижняя часть брюк моментально намокли от выступившей из мха обильной мутной влаги. Перебравшись на другую сторону девочка, брезгливо морщась, наклонилась и принялась отряхивать колени. Но когда разогнулась, оцепенела. Кругом начала растекаться хмурая мгла, стремительно поглощая и обесцвечивая залитый солнцем пейзаж. Не кромешная тьма, а именно мгла: серая, мрачная, невыразительная, безразличная ко всему и вся. Как тогда в подземных владениях Ящера. Катя обернулась. По ту сторону ствола все было по-прежнему.

«Э-э, нет, так дело не пойдет», – подумала она и собралась вернуться.

Но не тут-то было! Какая-то неодолимая сила потянула девочку назад. Противиться ей не было никакой возможности. Она, сминая и грабастая, требовательно влекла к себе. Отчаянно сопротивляясь, упираясь и негодуя, Катя невольно двинулась вглубь мглы. Под ногами отчаянно хлопало – везде расстилалась заболоченная почва в изобилии корявых кочек. Из нее кое-где торчали жиденькие стволики с реденькими, лишенными листвы ветками. Что находилось над всем этим, представить было трудно: над прогалиной, где она оказалась, царил та же тоскливая хмарь. По мере продвижения из ее обрывков, как из ключев тумана, стал проступать деревянный дом. Нет, скорее – изба. Хотя, если уж совсем точно, избушка.

Вся она была какая-то несусветно перекошенная, будто ее несколько раз роняли с высоты. Стены, казалось, давно забыли, как выглядит прямой угол, под которым они должны находиться по отношению друг к другу. Составляющие их бревна местами подгнили и разъехались настолько, что в щели между ними можно было без труда просунуть руку. Замшелая крыша съехала на один бок, как залихватски заломленная шапка. С одной из стен на Катю подслеповато и недружелюбно шурилось крохотное оконце. Находящаяся, по всей видимости, на противоположной стороне дверь, несмотря на полное безветрие то открывалась, то закрывалась, издавая противный, схожий с зубной болью, скрежет, отчего на сердце становилось еще гаже и тоскливее.

Избушка располагалась на невысоком столбе, похожем на лишенный коры ствол дерева. Таким же гладком и белесом. Хотя своей фактурой он чем-то напоминал и кость.

«Ну, это вообще уже!», – содрогнулась девочка.

И принялась шарить глазами по сторонам, точно пыталась углядеть тын с нанизанными на него черепами. Точь-в-точь, как на иллюстрациях Ивана Билибина. Но к своей радости такового не обнаружила. В это время избушка заколыхалась и натужно повернулась оконцем в сторону леса, а дверь – к девочке. Та в очередной раз издала душераздирающий скрип и распахнулась. Вслед за этим изнутри раздался низкий голос, тяжестью своего звучания напоминающий гудение паровой трубы:

– Что стоишь, как стоеросовая?! Входи, коли пришла! И дверь прикрой! Сыростью тянет!

Было невозможно предположить, кому он принадлежал. Но в нем сквозило крайнее раздражение, это – точно.

Из дверного проема выскользнула корявая лесенка и нижним концом с размаху ткнулась во влажную землю, подняв фонтанчик брызг. При этом девочке показалось, что ее вытолкнула черная, как смоль, кошачья лапа.

«Кто же там обитает-то?», – задалась вопросом Катя.

Фраза еще не закончилась, как девочку мощно повлекло внутрь. Не успела она опомниться, как оказалась в жилище. Сила была так велика, что ей едва удалось сохранить равновесие и не упасть на порядком замусоренный и давно не мытый пол. Около одной из стен в полумраке угадывался колченогий табурет и ветхий стол, заваленный каким-то хламом. Вдоль другой располагались широкие полаты. Ближним краем они примыкали к находящейся непосредственно у входа выгородке, напоминающей шкафчик с дверкой, голбцу. На самих же полатах полулежало нечто.

Прежде всего, в глаза бросалось тело, занимавшее добрую половину пространства. Порядком иссохшее от старости, со скрюченной временем спиной, но когда-то, безусловно, могучее. Кость – широкая, плечи – мощные. Его укрывали многочисленные ниспадающие складки какой-то ветоши. Над телом царила непомерно большая голова, увенчанная несуразным конусообразным убором, похожим на шлем. Он пестрел рыжими пятнами то ли проросших лишайников, то ли ржавчины. На изборожденном глубокими морщинами лице выделялся огромный загнутый к низу нос, доходивший почти до раздвоенного подбородка, и выпученные из-под косматых бровей глаза с вертикальными зрачками. Они буравили острым взглядом, недобро с тщанием прошупывали и пронизывали насквозь.

Наконец, ввалившийся кривой рот разверзся и обнажил чудовищные клыки. Вокруг снова раздраженно загудело:

– Ты чего здесь шляешься, от дел отвлекаешь?! Жить надоело?! Другой дороги, что ли нет? – и окатило смрадным дыханием.

Девочка съежилась, пожала плечами и отрицательно замотала головой: нет, мол. По правде говоря, от этого взгляда, нервного гула и напора ей стало совсем не по себе.

– Хватит мне тут в молчанку играть! – опять завопило с полатей. – Рассказывай!

«Ага, – стараясь справиться с охватившим ее беспокойством, подумала Катя, – сейчас расскажешь, вообще отсюда не выберешься и никуда не попадешь».

Желая потянуть время, она собралась с духом и робко промолвила:

– Вообще-то по обычаю надо сначала накормить, напоить, спать уложить, а потом уж и с расспросами подступаться.

Брови существа моментально сошлись на переносице, а глаза угрожающе сузились.

– Ишь, ты! – зарокотало оно. – Указывать мне тут вздумала! Да знаешь, что я с тобой за это сделаю?! – и начало приподниматься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.